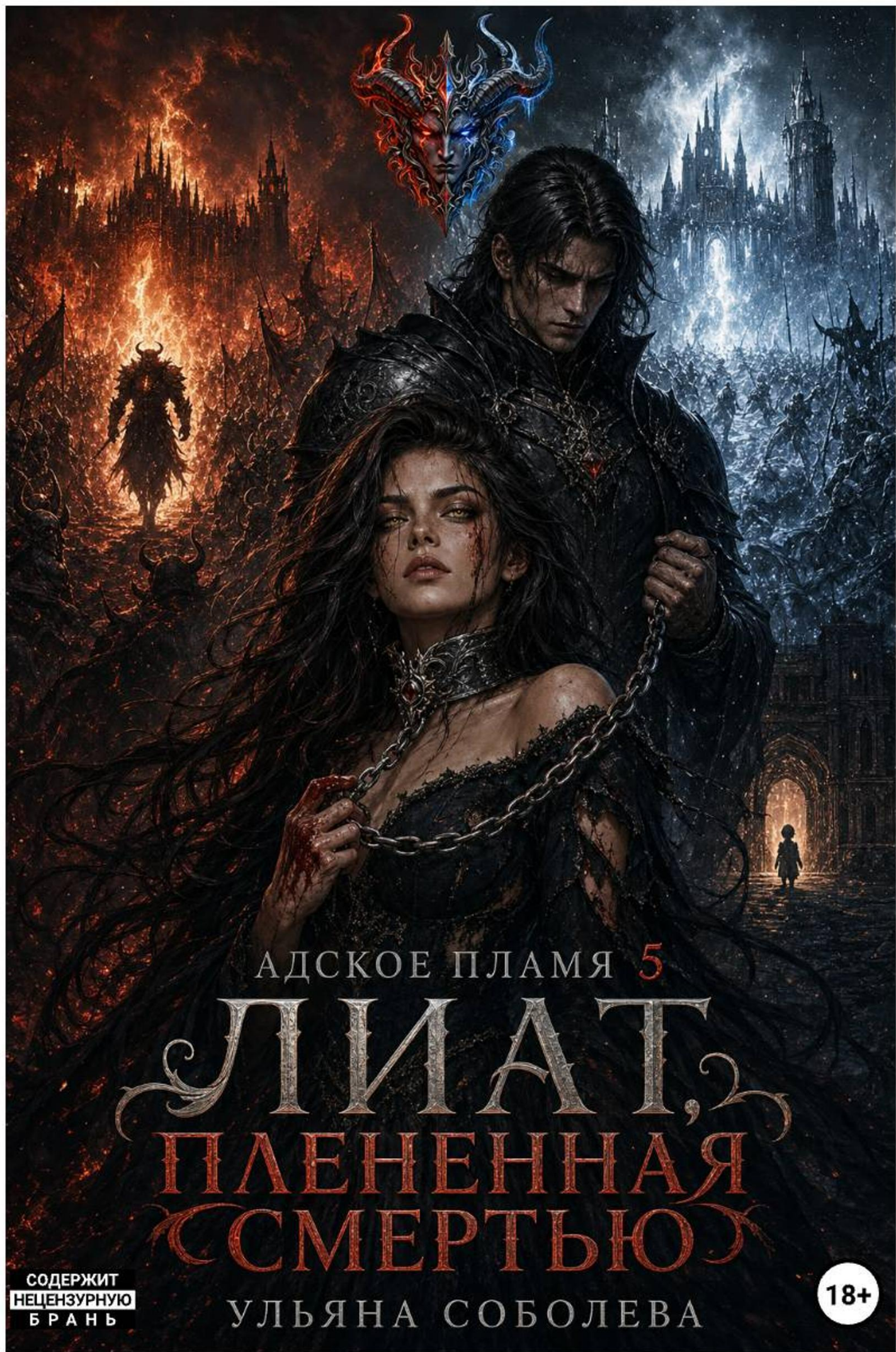

АДСКОЕ ПЛАМЯ 5

ЛИАТ, ПЛЕНЕННАЯ СМЕРТЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Лият. Плененная смертью

«Автор»

2026

Соболева У.

Лият. Плененная смертью / У. Соболева — «Автор», 2026

Я выбрала отца. Выбрала долг. Выбрала чужое кольцо — и этим уничтожила мужчину, которого любила сильнее собственной жизни. Теперь Арис ненавидит меня так же яростно, как когда-то любил. Для него я больше не принцесса и не женщина, которой он обещал вечность. Я — пленница. Рабыня на цепи, которую он водит за собой, кормит с руки и ломает на глазах у своих воинов. Но даже униженная, я продолжаю кусать протянутую ладонь до крови, потому что покориться ему — значит предать себя. Война между Арисом и моим отцом неизбежна. А ребёнок, которого я ношу под сердцем, способен превратить их ненависть в пожар, где сгорит весь наш мир. Арис уверен, что это сын другого. Он отвергает младенца и совершает ту же жестокость, которая когда-то навсегда искалечила его самого. Когда цепи падут, мне придётся снова выбирать между отцом и мужчиной, ставшим моей смертью.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ульяна Соболева

Лият. Плененная смертью

Глава 1

В Мендемае не было неба, под которым можно было спрятаться от позора. Оно здесь всегда висело слишком низко — обожжённое, багровое, разодранное чёрными прожилками туч, будто кто-то вспорол ему брюхо и оставил медленно истекать огнём над нашими головами. Сегодня оно смотрело на меня тысячами раскалённых глаз. Так же, как смотрели они.

Солдаты Ариса.

Рабы, которых он сделал воинами. Воины, которые сделали его Повелителем. Сотни лиц по обе стороны широкой дороги, вытоптанной до каменной твёрдости, и ни одного опущенного взгляда, хотя ещё совсем недавно за подобную дерзость перед дочерью Аша им вырвали бы глаза. Теперь они могли смотреть. Теперь им позволили любоваться, как меня тащат через лагерь с петлёй на шее.

Цепь снова натянулась, впиваясь краем ошейника в разодранную кожу, и я задохнулась, запрокинув голову. Перед глазами качнулся медный диск выжженного солнца, под ногами поплыла земля, а внутри меня что-то сжалось в ледяной кулак. Не страх. Для страха я была слишком мертва. Страх живёт там, где остаётся надежда, а мою Арис выскоблил из груди вместе с сердцем, оставив вместо него дыру, набитую пеплом.

— Шевелись, — произнёс он, даже не оборачиваясь.

Будто вёл за собой не женщину, которую когда-то называл своей бесконечностью. Не ту, чьи губы целовал так, словно хотел выдохнуть в неё собственную душу. Не ту, которой обещал показать звёзды в мире, где они убивают. Собаку. Упрямую, побитую собаку, недостаточно быстро переставляющую лапы.

Я посмотрела на его широкую спину, обтянутую чёрной тканью, на длинные тёмные волосы, собранные у затылка кожаным шнурком, на тяжёлую рукоять меча за плечом. Красивый. Даже ненависть не могла изуродовать его в моих глазах, и за это мне хотелось выцарапать их самой. Его красота была неправильной, хищной, слишком совершенной для существа, внутри которого давно сгнило всё живое. Высокие скулы, жёсткий рот, серые глаза, превращавшиеся в расплавленное серебро, когда он злился. А Арис злился всегда. Просто раньше его ярость горела против всего мира, оставляя для меня крохотный клочок земли, где можно было дышать. Теперь этот огонь развернулся ко мне.

Он дёрнул поводок ещё раз.

Я упала на одно колено.

Камни впились в кожу даже через ткань платья, и боль прострелила бедро, поднялась к животу. Ладонь метнулась туда прежде, чем я успела остановить себя. Быстро. Почти незаметно. Но Арис заметил. Он замечал каждое моё движение, даже когда делал вид, что давно выдрал меня из памяти.

Остановился и медленно повернулся.

Шум вокруг стих так резко, будто всему лагерю одновременно перерезали глотки.

— Уже преклоняешь колени, принцесса? — Его голос скользнул по коже заточенным лезвием. — А Ванитас говорил, что получил непокорную жену. Или для него ты берегла характер, а передо мной решила не ломаться зря?

Свадебное платье всё ещё было на мне. Когда-то белое — смешно, до истерики смешно, — теперь оно пропиталось грязью, потом и чужой кровью. Золотая вышивка почернела, подол был разорван, тонкая ткань на груди держалась на нескольких нитях. Фату я потеряла ещё во

время захвата. Наверное, она валялась там, возле мёртвого тела одного из людей Ванитаса, как саван над тем, что даже не успело стать браком.

Но Арис видел только платье.

Символ моего выбора.

Моего предательства.

— Твой новый родственник слишком много говорит, — прохрипела я, пытаюсь подняться. Цепь не позволила выпрямиться до конца, и мне пришлось смотреть на Ариса снизу вверх. Он именно этого и хотел. — Наверное, потому что ты не успел отрезать ему язык. Теряешь хватку, инкуб.

В толпе кто-то шумно втянул воздух. Они ждали удара. Я тоже ждала, почти жаждала его. Пусть ударит. Пусть расколёт мне челюсть, сорвёт кожу, выпотрошит прямо здесь. Физическая боль хотя бы ненадолго заглушила бы ту, что выла под рёбрами, грызла кости и выворачивала внутренности с тех пор, как я увидела Ариса среди нападавших.

Он пришёл не спасать меня.

Он пришёл забрать то, что считал своей добычей.

Арис присел передо мной, намотав цепь на кулак. Его лицо оказалось так близко, что я почувствовала знакомый запах: металл, пепел, раскалённая кожа и что-то терпкое, принадлежавшее только ему. Моё тело узнало раньше разума. Узнало предателя, дёрнувшись навстречу едва заметной судорогой, и я возненавидела каждую клетку, которая ещё помнила, каково это — быть в его руках не пленницей.

Он провёл костяшками пальцев по моей щеке. Почти нежно. От этой нежности меня затошнило сильнее, чем от грубости.

— Я ничего не теряю, Кареглазая. Я возвращаю своё.

— Я никогда не была твоей.

Ложь застряла между нами, огромная, живая, пульсирующая. Серые глаза Ариса потемнели. Он тоже услышал, как она бьётся.

— Именно поэтому ты подарила мне бесконечность?

Пальцы сами сжались. Кольца на моей руке больше не было — того, старого, нашего. Только свадебное, надетое Ванитасом перед алтарём. Арис перехватил мою ладонь, поднёс к лицу и посмотрел на широкий золотой ободок. Его рот искривился, но в глазах на одно мгновение распахнулось что-то настолько обнажённое, что мне стало нечем дышать.

Боль.

Настоящая. Не моя — его.

А затем он снова стал чудовищем.

— Красивое, — сказал Арис и медленно провернул кольцо на моём пальце. — Дорогое. Достойное дочери Повелителя. Не то что жалкий кусок серебра, который мог подарить раб.

— Ты ничего мне не дарил. Я подарила его тебе.

— И себя тоже? — Он резко стиснул пальцы, сминая мою кисть. Кости хрустнули, боль рванула до локтя, но я не закричала. Только обнажила клыки. — На время? Пока отец не подобрал тебе более выгодного мужа?

— Не смей говорить об отце.

— Почему? Боишься, что он услышит? — Арис наклонился к моим губам, почти касаясь их своими. — Я позаботился, чтобы услышал. Мои люди уже несут Ашу радостную весть: его маленькая принцесса теперь у меня. Интересно, что он предложит за тебя? Трон? Армию? Собственную голову? Или решит, что одна дочь не стоит Мендемая?

Я дёрнулась, пытаюсь ударить его лбом, но Арис уклонился и сжал цепь. Ошейник впился в горло. Воздух исчез. Мир сузился до его глаз и собственного сердца, колотившегося в груди так отчаянно, будто пыталось проломить рёбра и сбежать от него без меня.

— Он придёт, — выдавила я. — И убьёт тебя.

Арис улыбнулся.

Красиво. Страшно. Так улыбаются перед тем, как вскрыть живому существу живот и заставить смотреть на собственные внутренности.

— На это я и рассчитываю.

Он поднялся и потянул меня за собой. Мне пришлось встать, чтобы не задохнуться. Ноги дрожали после плена, пыток и яда Альгоса, тело ещё не восстановилось, но я пошла. Не за Арисом — ради того крохотного сердца, о котором пока знала только я. Ради существа, родившегося из самой грязной, невозможной и проклятой любви во всём Мендемае.

Ради его ребёнка.

Если Арис узнает сейчас, он либо использует малыша против Аша, либо вырвет из меня голыми руками, решив, что тот принадлежит Ванитасу. Я не знала, что страшнее. Поэтому прижала ладонь к животу лишь на мгновение и заставила себя опустить руку.

— Стой.

Арис остановился так внезапно, что я почти врезалась в него. Он обернулся, опустил взгляд на мою руку и протянул ладонь.

— Кольцо.

— Что?

— Отдай мне кольцо своего мужа.

Я спрятала пальцы в складках изорванного платья. Не потому, что дорожила подарком Ванитаса. Этот кусок золота хотелось содрать вместе с кожей ещё возле алтаря. Но приказ Ариса превратил ненавистный ободок в последнее, что принадлежало мне самой. Даже право ненавидеть его он собирался отобрать.

— Подавишься.

— Возможно. Но сначала им подавится твой супруг, когда я вгоню кольцо ему в глотку.

Арис поймал меня за запястье. Я выпустила когти, полоснув его предплечье, и услышала одобрителный рокот вокруг. Его воины наслаждались зрелищем. Наверное, делали ставки, сколько времени потребуется новому Повелителю, чтобы укротить дочь старого.

Он не поморщился. Только посмотрел на четыре набухшие кровью полосы, затем на меня.

— Ещё раз.

— Что — ещё раз?

— Сделай мне больно ещё раз. — Серебро в его глазах плавилось, становилось почти белым. — Покажи им всем, как отчаянно жена Ванитаса защищает его подарок.

— Я защищаю право не выполнять твои приказы.

— У рабыни нет прав.

Он сжал мой палец и потянул кольцо. Металл не поддавался: руки отекали после плена. Арис дёрнул сильнее. Кожа собралась перед золотым ободком, сустав вспыхнул болью.

— Срежь палец, — прошипела я. — Ты ведь только так умеешь получать желаемое. Отрезать. Вырывать. Убивать всё, что не желает принадлежать тебе добровольно.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Он продолжал стягивать кольцо медленно, вместе с кожей. Кровь выступила по краю, заструилась по пальцам. Боль была мелкой на фоне всего остального, почти смешной, но именно от неё почему-то снова защищало глаза. Возможно, потому, что Арис снимал не кольцо. Он сдирал с меня последние сутки жизни. Алтарь, ненавистную клятву, надежду спасти семью ценой себя — всё, что я сделала и за что теперь расплачивалась.

Золото наконец соскользнуло. Арис поднял его к солнцу, рассматривая мою кровь на металле.

— Не переживай, — произнёс он. — Без украшений ошейник заметнее.

Он бросил кольцо под ноги ближайшему воину. Тот раздавил его каблуком, вминая в чёрную землю.

Я смотрела, как исчезает золото, и чувствовала, будто каблук прошёлся по моему горлу.

— Когда я освобожусь, первым делом отрежу тебе руку, — пообещала я.

— Ту, которой держу поводок?

— Ту, которой ты когда-то касался меня так, будто любил.

Удар достиг цели. На одно мгновение пальцы Ариса разжались, цепь провисла. Но затем он намотал её на кулак сильнее.

— Такой руки у меня больше нет.

— Я знаю. Поэтому отрезать будет не жалко.

Мы вышли на середину лагеря. Впереди возвышался помост, наскоро сколоченный из чёрных досок. На нём стояло кресло Ариса — не трон, но достаточно похожее, чтобы каждый понимал, кем он себя считает. Возле кресла торчал низкий металлический столб с кольцом у основания.

Для цепи.

Для меня.

Меня выворачивало от унижения настолько, что вдоль позвоночника ползли ледяные мурашки, а во рту появился вкус крови — я прокусила щёку изнутри, лишь бы не позволить губам задрожать. Не здесь. Не перед его войском. Не перед ним.

Арис поднялся на помост. Поводок натянулся, вынуждая меня следовать. Когда я остановилась, он не стал дёргать. Просто посмотрел.

— Поднимайся.

— Пошёл ты.

— Обязательно. Но сначала ты.

Несколько воинов засмеялись. Негромко, неуверенно, ещё не понимая, разрешено ли смеяться над дочерью Аша. Арис повернул голову на звук, и смех оборвался. Он не хотел делиться моим унижением. Оно принадлежало ему так же, как, по его мнению, принадлежала я.

— Поднимайся сама, Лиат, — повторил он тихо. — Или я поставлю тебя на четвереньки и проведу перед каждым рядом. Выбирай, в каком положении твой отец впервые увидит свою дочь, когда придёт за ней.

Слёзы обожгли глаза. Не пролились — пока нет, — но мир задрожал в их горячей плёнке. Я ненавидела его. Ненавидела так сильно, что это чувство уже не помещалось внутри, разрывало меня, сочились из пор, смешивалось с потом и кровью. И любила. Где-то под этой ненавистью продолжала биться жалкая, обезображенная любовь, которую он не сумел убить даже сейчас.

Вот что было самым унижительным.

Не цепь.

Не ошейник.

Не сотни глаз.

А то, что, если бы Арис внезапно обнял меня и прошептал, что всё это было страшным мороком, какая-то последняя живая часть меня поверила бы ему.

Я поднялась на помост.

Сама.

Он дождался, пока я окажусь возле кресла, и пристегнул конец цепи к металлическому кольцу. Щелчок замка прозвучал громче боевых барабанов. От него содрогнулось что-то внутри, и одна слеза всё-таки сорвалась, прокатилась по щеке, оставив горячий след.

Арис поймал её большим пальцем.

Поднёс палец к губам и слизнул.

— Солёная, — произнёс он, глядя мне в глаза. — А я думал, у дочери Аша вместо слёз яд.

— Не переживай. Яд будет позже.

— Я подожду. Ты ведь знаешь, каким терпеливым меня сделало рабство.

Он повернулся к собравшимся. Голоса стихли. Даже ветер, казалось, лёг на выжженную землю и перестал дышать.

— Вы все знаете эту женщину.

Его слова разнеслись над лагерем. Мне хотелось зажать уши, но я заставила себя стоять прямо.

— Наследница Аша, хозяйка гладиаторов, принцесса Мендемая. Та, перед которой многие из вас когда-то склоняли головы. Та, которая покупала воинов, ставила на них клейма и решала, кому жить, а кому подохнуть на арене ради её развлечения.

Взгляды вокруг изменились. Я увидела в них старую ненависть рабов к госпоже. Арис знал, куда бить. Не просто по мне — по моему имени, моей крови, всему, чем я была.

— Вчера она стала женой Ванитаса, — продолжил он. — Выбрала его власть, его армию и его притязания на трон. Сегодня её муж бежал, бросив молодую супругу моим воинам.

— Лжёшь! — Я рванулась к нему, но цепь остановила так резко, что ошейник вспорол кожу. По шее потекла кровь. — Ты ничего не знаешь!

Арис даже не посмотрел.

— Принцессы Лиат больше нет.

Эти слова вошли под рёбра медленнее клинка.

— Есть пленница, взятая по праву победителя. Есть женщина моего врага. Есть моя собственность.

Он всё-таки повернулся и протянул руку. Не помогая. Приказывая приблизиться.

Я осталась на месте.

Арис взялся за поводок и медленно намотал его на ладонь, заставляя меня шаг за шагом подойти. С каждым движением цепи мир вокруг расплывался всё сильнее. Я чувствовала кровь на шее, слышала собственное дыхание и видела только его лицо — прекрасное лицо мужчины, который когда-то стоял передо мной на коленях, а теперь решил поставить на колени меня.

— Назови меня хозяином, — тихо приказал он.

— Сдохни.

— Обязательно. Когда закончу с тобой.

— Тогда тебе придётся жить вечно.

На мгновение в его глазах вспыхнуло прежнее. Мой Арис. Мой инкуб. Мужчина, который любил моё сопротивление больше чужой покорности. Но тень исчезла раньше, чем я успела понять, действительно ли увидела её.

Он надавил ладонью мне на плечо.

Я напряглась всем телом. Колени задрожали, но не согнулись.

Арис усилил давление. Его пальцы впились в кости, выворачивая сустав. Боль поползла по руке, пронзила лопатку, раскалённым крюком зацепилась за позвоночник. Я закусила губу. Он давил сильнее. Перед глазами темнело, тело ломало, но я продолжала стоять.

— Ты можешь сломать мне ноги, — прошептала я. — Тогда тебе придётся таскать свою рабыню на руках. Представляешь, как романтично?

Желваки задвигались на его скулах.

— Всё ещё думаешь, что я не способен тебя сломать?

— Я думаю, что ты уже пытался. И поэтому злишься: я стою перед тобой, а не лежу в могиле.

Он резко отпустил. Я пошатнулась, но удержалась.

Тишина вокруг стала страшнее криков.

Арис наклонился к моему уху. Его дыхание обожгло кожу возле ошейника.

— Я не собираюсь тебя убивать, Кареглазая. Смерть — это свобода. А ты больше никогда не будешь свободной.

— Тогда следи за своей спиной.

— Зачем? — Его губы едва коснулись моего виска, и от этого почти нежного прикосновения по телу прошла дрожь. — Ты всегда предпочитала вонзать нож, глядя мне в глаза.

Он сел в кресло и коротким движением поводка заставил меня опуститься возле его ног. Я упала на ладони, содрав кожу о шероховатые доски. Толпа смотрела. Арис положил тяжёлую ладонь мне на затылок, удерживая внизу.

Слёзы потекли сами. Горячие, ненавистные, бессильные. Я смотрела на его сапоги и чувствовала, как внутри меня умирает принцесса. Не сразу — она была слишком упрямой. Захлёбывалась кровью, цеплялась ногтями за рёбра, пыталась подняться, но Арис медленно, с наслаждением давил ей на шею.

Пусть.

Пусть убивает титул, гордость, имя. Пусть думает, что получил всё.

Он не знал, что под моим сердцем билось другое.

Маленькое. Яростное. Его.

Я закрыла глаза и беззвучно пообещала ребёнку, которого уже однажды попытался уничтожить весь этот проклятый мир:

«Я выдержу. Позволю твоему отцу водить меня на цепи, кормить с руки, резать на части. А потом убью его, если он хотя бы посмотрит на тебя так, как сейчас смотрит на меня».

Ладонь Ариса всё ещё лежала на моём затылке. Большой палец медленно, почти рассеянно гладил волосы — так знакомо, что меня затрясло сильнее.

Он наклонился, и его тихий голос услышала только я:

— Добро пожаловать домой, жена Ванитаса.

Я подняла залитое слезами лицо и улыбнулась ему разбитыми губами.

— Спасибо, хозяин. Надеюсь, твой дом хорошо горит.

Глава 2

— Спасибо, хозяин. Надеюсь, твой дом хорошо горит.

Даже стоя на коленях, с кровью на шее и слезами на лице, она умудрялась смотреть на меня сверху вниз. Не глазами — гордостью, которую я пока не выломал из её позвоночника. В этом была вся Лиаг: можно содрать с неё кожу, разложить мясо по кускам, вырвать сердце и бросить под ноги, но последний его удар всё равно прозвучит как оскорбление палачу.

Мои воины ждали, что я накажу её за дерзость. Я чувствовал их ожидание так же отчётливо, как тонкую дрожь под своей ладонью. Пальцы всё ещё лежали на её затылке, утопая в тяжёлых чёрных волосах, и большой палец двигался сам — гладил шелковистую прядь, словно ничего не произошло, словно мы снова были возле искусственного моря и моя Кареглазая сидела у моих ног не потому, что я приковал её, а потому, что сама выбрала это место.

Я резко сжал волосы в кулак.

Лиаг вскинула лицо. На длинных ресницах ещё висели слёзы, придавая карим глазам влажный блеск. Даже униженная, разбитая, перепачканная кровью и грязью, она была красивее любой женщины, которую я видел. Её красота не просила любоваться — она нападала, вонзала когти под рёбра и выгрызала там место для себя. Когда-то я позволил. Теперь внутри осталась рана, и каждый взгляд на неё раздирал корку.

— Мой дом уже горит, — наклонившись, прошептал я. — Ты подожгла его, когда надела кольцо другого мужчины.

Улыбка на разбитых губах дрогнула. Едва заметно, на ничтожную долю мгновения, но я увидел. Вот она — боль. Такая же, как моя, только Лиаг прятала её под ядом, потому что иначе захлебнулась бы.

— Значит, мне осталось дожидаться, когда ты сдохнешь в огне.

— Не дождёшься. Я заберу тебя с собой.

Я отпустил её волосы и поднялся. Нельзя было оставаться рядом дольше. Запах Лиаг уже пробрался в кровь, превращая ярость в нечто гораздо более опасное. Мне хотелось наклониться, слизать слёзы с её щёк, впиться в истерзанный рот и целовать, пока он снова не станет моим. А потом оттолкнуть, потому что я помнил золотое кольцо на её пальце.

Жена Ванитаса.

Эти слова работали лучше ледяной воды. Они возвращали мне разум и желание убивать.

Я отстегнул цепь от кольца возле кресла. Лиаг напряглась, решив, что представление закончено. Наивная. Это было только приветствие.

— Вставай.

Она опёрлась ладонью о помост. Содранная кожа оставила на чёрных досках кровавый отпечаток. Ноги не держали её после плена, но помощь я не предложил. Слишком хорошо помнил, как сам поднимался с песка арены, когда сломанные кости торчали наружу, а господа смеялись и требовали продолжения. Никто не протягивал мне руки. Почему я должен был протянуть её дочери Аша?

Лиаг поднялась. Медленно, стиснув зубы, распрямилась и посмотрела на меня так, словно победила.

Проклятая женщина. Она действительно победила — одним тем, что не попросила.

Я спустился с помоста, намеренно не замедляя шаг. Цепь натянулась, и Лиаг пришлось последовать. Сегодня весь лагерь должен был увидеть новую расстановку сил. Вчера эти воины шли на стены, зная, что люди Аша сдерут с них кожу, если захватят живыми. Сегодня дочь их врага шла за мной на поводке.

— Куда ты меня тащишь?

— Знакомлю с домом. Ты ведь пожелала ему сгореть. Невежливо проклинать место, которое даже не осмотрела.

— Я видела достаточно. Грязь, падаль и идиоты с оружием. Удивительно, как точно твой лагерь передаёт внутренний мир хозяина.

Несколько солдат рядом усмехнулись. Я остановился и повернул голову. Они мгновенно замолчали.

— Продолжай, — предложил я Лиаг. — Им нравится.

— Мне тоже. Особенно то, как они закрывают рты, стоит тебе посмотреть. Ты обещал рабам свободу, а в итоге просто забрал себе плеть прежних хозяев.

Слова полоснули точнее её когтей. Я дернул цепь, вынуждая подойти ближе.

— Не путай страх с рабством.

— А ты не путай власть со свободой, Арис. У тебя ошейник внутри. Поэтому его не видно.

Я сжал челюсти так сильно, что хрустнули зубы. Она знала, куда бить. Всегда знала. Когда любила, касалась этих мест губами. Теперь вгоняла в них лезвия.

— Зато твой прекрасно виден.

Я провёл пальцем под металлическим ободом и надавил на рассечённую кожу. Лиаг вздрогнула, но не отвела взгляда.

— Нравится?

— Нет. Слишком много крови. Она пачкает металл.

Ложь обожгла язык. Мне не нравилось видеть её кровь на ошейнике. Она должна была причинять удовольствие, но вместо этого тело охватывала слепая ярость, будто ранили что-то моё. Я убрал руку и пошёл дальше.

Мы миновали оружейные ряды, кузницы и тренировочную площадку. Воины прекращали занятия и смотрели. Некоторые узнавали Лиаг. На лицах появлялось злорадство, в глазах всплывали воспоминания о клеймах и аренах. Она чувствовала их ненависть, но держала голову прямо, лишь иногда спотыкалась на камнях.

Возле клеток с пленными дорогу преградил один из моих гладиаторов. Огромный орк с разорванным ухом и половиной лица, сожжённой до бурого мяса, упал передо мной на колено. Его звали Круг. Несколько лет он сражался на аренах, принадлежавших людям Лиаг.

— Повелитель, — произнёс он, не сводя с неё взгляда. — Позволь поприветствовать бывшую госпожу.

Лиаг усмехнулась:

— Если это ты называешь приветствием, неудивительно, что тебе оторвали половину морды.

Круг медленно поднялся. Его единственный глаз налился кровью.

— Ты помнишь меня?

— Нет.

Это равнодушное слово оказалось хуже оскорбления. Орк задрожал от ярости.

— Мой брат умер на твоей арене.

— На моих аренах умерли сотни. Тебе придётся добавить подробностей.

Круг шагнул к ней. Лиаг не отступила, хотя цепь позволяла. Она смотрела на него спокойно, почти скучающе, только ноздри дрогнули, улавливая запах его ненависти.

— Ты приказала выпустить церберов, когда он уже победил.

— Значит, он не победил.

Орк взревел и размахнулся. Я перехватил его руку прежде, чем кулак коснулся лица Лиаг. Кости под моими пальцами затрещали. Круг уставился на меня, не понимая.

Я тоже не понимал.

Всего мгновение назад я хотел, чтобы она почувствовала страх каждого раба, которого считала вещью. Хотел заставить смотреть в их глаза, слышать проклятия, захлёбываться собственной беспомощностью. Но, когда чужая рука приблизилась к её лицу, зверь внутри меня сорвался с цепи.

Я сжал сильнее. Лучевая кость вышла наружу, прорвав кожу. Круг закричал, рухнул на колени, а я продолжал ломать, пока его рука не превратилась в бесформенный кусок мяса.

— Она моя, — произнёс я, глядя на остальных. — Никто не смеет прикасаться к ней без разрешения.

— Арис, — прохрипел орк, зажимая изувеченную руку. — Она убила моего брата.

— А я убил сотни твоих братьев. Хочешь потребовать и мою голову?

Круг побледнел под серой кожей и опустил взгляд.

— Нет, Повелитель.

— Тогда убирайся, пока ещё способен унести свою.

Он попятился. Целители подхватили его, поволокли прочь, оставляя на земле густую тёмную кровь.

Я повернулся к Лиат. Она смотрела не на орка — на меня. В её глазах было слишком много понимания, и мне захотелось ударить её только за это.

— Как трогательно, — сказала она. — Спас свою собаку от другой собаки.

— Я спас его. Если бы он тебя ударил, мне пришлось бы вырвать ему сердце.

— Разумеется. Не из ревности же.

— Из хозяйственности. Ненавижу, когда портят мои вещи.

Я снова пошёл, но цепь не натянулась. Лиат стояла на месте.

— Что теперь?

— Я устала.

Два простых слова, и в них впервые не было сарказма. Я обернулся. Она побледнела, губы стали почти белыми, под глазами залегли тени. Тонкие пальцы сжались на ткани возле живота.

Что-то внутри меня дрогнуло, но я раздавил это прежде, чем оно успело превратиться в жалость.

— Раньше ты могла часами наблюдать за боями.

— Раньше меня несколько недель не резал на части обезумевший ублюдок.

Имя Альгоса она не произнесла. Оно и не требовалось. Я видел следы его работы, когда нашёл её: разорванное платье, неправильно сросшиеся пальцы, кровавые дыры в теле, синяки, похожие на гнилые цветы. Увидел — и на несколько мгновений перестал помнить, что ненавижу. Мне хотелось найти палача и медленно скормить ему собственные внутренности.

Но рядом с Лиат лежала одежда Ванитаса. На её пальце блестело его кольцо.

И я вспомнил всё.

— Ты выжила.

— Какое разочарование.

— Пока нет.

Я подошёл и намотал цепь на кулак. Она решила, что снова потащу, и вскинула подбородок. Вместо этого я подхватил её под колени и поднял на руки.

Лиат окаменела. Её лицо оказалось возле моего, волосы коснулись шеи, знакомый запах проник в лёгкие. На миг я сам потерял равновесие, будто держал не истощённую женщину, а всю тяжесть прошлого.

— Отпусти.

— Ты хотела, чтобы я таскал рабыню на руках. Наслаждайся романтикой.

— Я скорее сгнию здесь.

— Обязательно сгниёшь. Но в моей постели.

Она ударила меня ладонью по лицу. Голова дёрнулась, на губе выступила кровь. Воины вокруг замерли.

Я посмотрел на неё.

Лиат тоже поняла, что сделала, но страха не показала. Только тяжело дышала, и её грудь касалась моей при каждом вдохе.

— Ещё раз, — предложил я.

— Ты сегодня слишком часто напрашиваешься.

— Потому что только так ты умеешь прикасаться ко мне после свадьбы?

Она побледнела ещё сильнее.

Я понёс её к шатру совета, чувствуя, как цепь покачивается между нами. Лиат не обняла меня за шею. Держала руки прижатыми к груди, будто прикосновение ко мне могло осквернить её сильнее свадебной клятвы Ванитасу.

Внутри уже собрались командиры. На столе лежали карты, отмеченные позиции войск Аша, крепости, переправы и тайные проходы. Увидев Лиат у меня на руках, они поднялись.

Я поставил её на ноги возле своего кресла и пристегнул цепь к подлокотнику.

— Садись, — приказал я.

— Куда? На пол?

— Ты быстро учишься.

— А ты медленно. Если хочешь узнать планы отца, попробуй спросить. Вдруг я растрогаюсь от твоей вежливости.

— Мне не нужны ответы. Мне нужно, чтобы Аш думал, будто ты их дала.

Она замерла.

Вот теперь я видел настоящий страх. Не за себя — за отца. Лиат могла позволить разорвать собственное тело, но одна мысль о том, что Аш усомнится в ней, ломала сильнее пыток.

— Он не поверит.

— Конечно поверит. Ты уже однажды выбрала мужчину и политику вместо чувств. Почему не сделать это снова?

— Я выбрала семью.

— Семью? — Я усмехнулся, хотя внутри что-то завывало. — Так теперь называется Ванитас?

— Так называется то, чего у тебя никогда не было и уже не будет.

Ударила. Снова. Без руки, без оружия — словами, способными содрать мясо с костей.

Я наклонился к ней, вцепился пальцами в подбородок и заставил посмотреть на карту.

— Видишь эти метки? Завтра здесь будут гореть поселения Аша. Послезавтра — его крепости. А когда он придёт, ты будешь сидеть у моих ног и смотреть, как я вырываю сердце твоей семьи.

На этот раз слёзы наполнили её глаза сразу. Она удерживала их, часто моргая, но одна всё-таки скатилась по щеке и упала мне на руку.

Горячая.

Я едва не отдёргнул пальцы.

— Он уничтожит тебя, — прошептала Лиат. Голос дрожал, но в глазах вспыхнул огонь. — И я буду смотреть.

— Нет, Кареглазая. Смотреть будет он.

Я выпрямился и обратился к командирам:

— С этого дня она присутствует на каждом совете. Не скрывайте при ней ничего. Пусть запоминает численность, маршруты, слабые места. Пусть верит, что однажды сумеет сбежать и всё рассказать отцу.

Лиат подняла на меня ошеломлённый взгляд.

— Зачем?

— Потому что каждую ночь планы будут меняться. А когда ты всё-таки побежишь к Ашу, то сама приведёшь его войска в могилу.

Она рванулась ко мне, но короткая цепь опрокинула её на колени. Ладони ударились о край стола. Карты сдвинулись, несколько фигурок упали на пол.

Лиат смотрела снизу вверх, и по её лицу текли слёзы. Не от боли и не от унижения. От ужаса перед тем, что её любовь к отцу превратят в оружие против него.

— Я никогда от тебя не побегу, — сказала она. — Я останусь рядом, пока не найду способ убить.

— Вот и хорошо.

Я наклонился и вытер большим пальцем слезу возле её губ.

— Значит, мне не придётся снова тебя искать.

Она хотела укусить. Я успел убрать руку, но по выражению её лица понял: рано или поздно она всё-таки вцепится в неё зубами.

От этой мысли по телу прошла горячая дрожь.

Совет продолжался несколько часов. Лиат сидела возле моего кресла, прислонившись спиной к подлокотнику. Она слушала, запоминала, иногда бросала короткие замечания, от которых командиры мрачнели: замечала слабости в наших построениях быстрее некоторых полководцев. Я позволял ей говорить. Даже пленная, она оставалась дочерью Аша и хозяйкой собственной армии. Именно поэтому сломать её значило больше, чем завоевать столицу.

К концу совета Лиат перестала язвить. Её дыхание стало слишком тихим, голова склонилась. Она уснула, сидя на полу, всё ещё сжимая пальцы на цепи.

Я смотрел на неё дольше, чем следовало.

Один из командиров заметил:

— Она ослабла, Повелитель. Возможно, стоит приказать целителю...

— Я не спрашивал.

Он замолчал.

Я поднял Лиат на руки. Во сне она тихо застонала и прижала ладонь к животу, будто защищая старую рану. Её лицо смягчилось, стало почти прежним. Моей Кареглазой. Моей женщиной. Моей погибелью.

Я отнёс её в свой шатёр и положил возле кровати, на расстеленные шкуры. Пристегнул цепь к металлическому кольцу в полу. Лиат не проснулась.

Слишком слабая.

Слишком худая.

Моя ненависть требовала, чтобы она страдала, но от вида выступающих ключиц и запавших щёк внутри поднималась ярость уже на тех, кто посмел довести её до этого состояния раньше меня.

Я позвал стражника.

— Принеси еду.

— Для пленницы?

Я медленно повернул голову.

— Для меня.

Стражник поклонился и исчез.

Я сел на край кровати, глядя на спящую Лиат. На её разбитые губы, на тёмные волосы, рассыпавшиеся по белой шкуре, на пальцы, всё ещё прикрывающие живот.

Даже во сне она защищалась. От меня, от мира, возможно, от воспоминаний о палаче Ванитаса. Пальцы иногда вздрагивали, сжимая ткань, ресницы дрожали, а между бровей залегла тонкая складка боли. Мне стоило отвернуться. Позволить ей захлёбываться кошмарами так же, как когда-то захлёбывался ими я, просыпаясь в клетке и ещё несколько мгновений

веря, что Шели пришла за мной. В детстве надежда умирала каждое утро. Медленно, мучительно, чтобы за ночь успеть воскреснуть и снова дать себя убить.

Я протянул руку к лицу Лиат.

Остановил пальцы возле её щеки, не касаясь. Между моей кожей и её оставалось расстояние не больше вдоха, но оно казалось пропастью, на дне которой гнили наши обещания. Стоило прикоснуться — и я снова вспомнил бы слишком многое: как она запрокидывала голову, смеясь; как сердилась и шурила карие глаза; как называла меня любимым тем особенным голосом, от которого даже сейчас в груди выворачивало кости.

Лиат пошевелилась и тихо произнесла моё имя.

Не Ванитаса.

Моё.

Проклятый звук вошёл прямо под рёбра. Я всё-таки коснулся её щеки, провёл костяшками пальцев до губ. Она доверчиво повернула лицо к ладони, продолжая спать, и на одну убийственную секунду я забыл о кольце, алтаре и белом свадебном платье. Передо мной снова была моя женщина, измученная и найденная наконец среди целого мира врагов.

Потом её губы шевельнулись:

— Ненавижу...

Я замер.

Лиат открыла глаза. В них ещё плавал сон, но ненависть уже проснулась. Она увидела мою руку у своего лица и отшатнулась так резко, что цепь звякнула.

— Не трогай меня.

— Несколько мгновений назад ты сама тянулась.

— Мне снилось, что я перегрызаю тебе горло.

— Лгунья.

— Проверь. Подойди ближе.

Я усмехнулся, хотя внутри снова скребло, будто по оголённым нервам провели ржавым железом.

— У тебя ещё будет возможность кусаться.

— Как великодушно. Осталось поблагодарить хозяина.

— Поблаговаришь завтра.

— За что?

Я посмотрел на вход в шатёр, за которым уже слышались шаги стражника и звон посуды. Завтра я заставлю её есть.

Если понадобится — с моей руки.

Глава 3

Я проснулась от запаха жареного мяса и сначала решила, что всё ещё сплю.

Только во сне голод мог принимать настолько изощрённую форму пытки. Он не просто скручивал желудок — забирался под кожу, выворачивал внутренности, заставлял их пожирать друг друга, медленно поднимался по пищеводу и смыкал на горле костлявые пальцы. Запах мяса был густым, пряным, невыносимо живым. Он проникал в лёгкие вместо воздуха, растекался по крови и заставлял рот наполняться слюной.

Я открыла глаза.

Арис сидел за столом напротив.

На нём не было верхней рубашки. Только тёмные штаны, низко сидящие на бёдрах, и широкий ремень с ножами. Обнажённая грудь казалась отлитой из тёмного золота: мощные мышцы, старые шрамы, следы когтей и ожогов — карта его рабства, написанная на теле чужой жестокостью. Длинные волосы падали на плечи спутанными чёрными прядями. Серые глаза смотрели на меня поверх кубка.

Он был прекрасен настолько, что мне захотелось вырвать из себя это зрение и растоптать. Каким издевательством оказалось оставить чудовищу лицо падшего бога. Впрочем, демоны никогда не скрывали природу уродством. Самые страшные из нас всегда были самыми красивыми.

— Доброе утро, жена Ванитаса.

Его голос окончательно вытолкнул меня из сна в кошмар.

Я попыталась подняться. Цепь, пристёгнутая к кольцу возле кровати, звякнула. Всё тело ломило после вчерашнего перехода. Шея горела под ошейником, ладони саднили, сломанные Альгосом пальцы плохо слушались. Но страшнее была тошнота. Она поднялась к горлу вместе с голодным спазмом, заставив зажать рот рукой.

Арис заметил.

— Не нравится запах?

— Мне не нравится твой.

— Вчера он не мешал тебе произносить моё имя во сне.

Я замерла. В памяти всплыло прикосновение к щеке, горячая ладонь, к которой я на мгновение потянулась, потерявшись между прошлым и настоящим.

— Мне снилось, что отрезанную голову тоже можно заставить говорить.

— И что она сказала?

— Что даже без тела ты остаёшься самовлюблённым ублюдком.

Его губы дрогнули. Почти улыбка — прежняя, опасная, от которой когда-то у меня слабели колени. Теперь они тоже дрожали, но от истощения.

На столе стояли блюда. Горячее мясо с хрустящей корочкой, тонкие лепёшки, сыр, запечённые овощи, тёмные ягоды, кувшин с водой. Слишком много еды для одного. Слишком демонстративно близко.

Я отвела взгляд.

— Голодная?

— Нет.

Желудок предал меня громким спазмом. Арис посмотрел на мой живот, и я инстинктивно прижала к нему руку. Опомившись, тут же опустила.

— Твоё тело с тобой не согласно.

— Моё тело слишком долго не кормил палач Ванитаса. Оно пока не научилось лгать так хорошо, как ты.

При имени Альгоса в глазах Ариса вспыхнуло серебро. Он поставил кубок на стол с такой силой, что металл прогнулся под пальцами.

— Я найду его.

— Передашь привет от меня?

— Нет. От тебя ему достанется только возможность услышать собственные крики.

На мгновение внутри что-то дрогнуло. Глупое, слабое, всё ещё принимающее его ярость за защиту. Я раздавила это чувство быстрее, чем Арис вчера раздавил кольцо Ванитаса.

— Какая честь. Два чудовища подерутся за право меня мучить.

— Он прикасался к тому, что принадлежит мне.

— Я не принадлежу тебе.

— Ошейник утверждает обратное.

Он поднялся. Я не смогла отвести глаз от того, как перекачиваются мышцы под кожей, как движется сильное тело, выращенное боями, голодом и ненавистью. Каждый его шаг отзывался во мне памятью. Эти руки знали, как заставить меня забыть собственное имя. Этот рот когда-то произносил его так, будто оно было молитвой. Теперь Арис называл меня женой другогo, и каждое слово превращало прошлое в гнойную рану.

Он отстегнул цепь от кольца.

— Вставай.

— Мы уже гуляли вчера. Мне не понравилось обслуживание.

— Сегодня завтрак включён.

Я посмотрела на еду.

Арис увидел. Конечно, увидел. Он ловил каждую слабость, как голодный зверь движение добычи.

— Подойди.

— Принеси сюда.

— Подойди, Лиат.

— Или что? Протащишь меня по шатру? Твои воины не увидят. Представление пропадёт зря.

Полотно у входа откинулось. Внутри вошли трое: вчерашний командир, предложивший позвать целителя, молодая эльфийка с кувшином и незнакомый демон с выжженным на щеке рабским клеймом. Значит, зрители всё-таки будут.

Арис умел выбирать ножи. Он не просто хотел заставить меня есть. Ему требовалось сделать это перед теми, кто станет рассказывать остальным.

— Теперь не пропадёт, — произнёс он.

Я медленно поднялась. Не из-за приказа. Из-за ребёнка, чьё крохотное сердце билось внутри и вытягивало из меня последние силы. Мне нужно было есть. Любой ценой. Даже если этой ценой станет ещё один кусок гордости, вырезанный Арисом из живого тела.

Я подошла к столу и протянула руку к лепёшке.

Он перехватил моё запястье.

— Я не разрешал брать.

— Тогда засунь себе весь завтрак в задницу. Лепёшку можешь оставить сверху для красоты.

Эльфийка подавилась воздухом. Демон с клеймом усмехнулся. Арис не посмотрел на них. Его пальцы продолжали сжимать мою руку, пульс бился под большим пальцем, слишком быстрый для спокойного мужчины.

— На колени.

Голод внутри замер. Даже он испугался этих слов.

— Нет.

— Тогда будешь смотреть, как ем я.

— Приятного аппетита.

Арис отпустил меня и сел. Взял кусок мяса, медленно откусил, не отрывая от меня взгляда. Сок блеснул на его губах. Желудок свело так сильно, что перед глазами потемнело. Я вцепилась ногтями в ладони, чувствуя, как выступает кровь.

Ради ребёнка.

Всего лишь колени. Я уже стояла на них вчера. Гордость не накормит малыша. Гордость не даст ему родиться. Если ради него придётся ползать перед Арисом, я буду ползать, а потом поднимусь и перегрызу хозяину горло.

Я опустила.

Не упала. Не позволила ему толкнуть. Сама согнула колени, продолжая смотреть Арису в глаза.

Внутри меня что-то закричало. Принцесса, которую он вчера пытался убить, оказалась жива и теперь билась о рёбра, сдирая ногти. Слезы обожгли глаза, но я удержала их.

— Довольный?

Арис перестал жевать. Он хотел этого. Мечтал увидеть меня у своих ног. Но победа почему-то не принесла ему удовольствия. Серые глаза потемнели, рот стал жёстче.

— Ближе.

Я подползла на одно колено. Цепь скользнула по полу, звон металла отдавался в зубах. Трое свидетелей молчали. Я чувствовала их взгляды на своей спине, на ошейнике, на изорванном свадебном платье.

Арис выбрал новый кусок мяса и протянул мне.

— Ешь.

Я хотела взять пальцами.

Он поднял руку выше.

— Без рук.

Слезы всё-таки наполнили глаза. Мир задрожал в их горячей плёнке. Я смотрела на его ладонь — широкую, сильную, исчерченную шрамами. Ту самую руку, которая когда-то держала мою в полёте. Ласкала волосы. Сжимала тело. Рисовала пальцами будущее, оказавшееся ложью.

Теперь он кормил меня, как животное.

— Ты хотел превратить меня в собаку? — спросила я. Голос не дрогнул, хотя внутри ломались кости. — Осторожнее, Арис. Собаки кусаются.

— Только если у них остаются зубы.

Он поднёс мясо к моим губам.

Я открыла рот.

Стыд оказался физическим. Он вошёл вместе с пищей, разорвал горло, застрял под рёбрами. Я жевала, ощущая вкус соли, специй и собственного унижения. Слеза сорвалась, покатилась по щеке. Арис проследил за ней так, будто она была каплей расплавленного металла.

— Вкусно?

— У твоего сердца был бы такой же вкус. Только гнили больше.

Он протянул следующий кусок. Я снова взяла губами. Ради малыша. Ради его сердца. Ради дня, когда эта сцена вернётся Арису кошмаром.

— Хорошая девочка, — тихо сказал он.

Вот тогда я сломалась.

Не покорилась. Именно сломалась — как лезвие, которое слишком долго гнули, не понимая, что осколок отлетит прямо в горло.

Я бросилась вперёд и впилась зубами в его ладонь.

Мясо поддалось с влажным хрустом. Клыки вошли глубоко, почти встретились в плоти. Горячая кровь хлынула в рот, густая, терпкая, обжигающая. Арис резко втянул воздух, но руку не отдернул.

Я кусала сильнее.

До кости.

До судороги в челюстях.

До тех пор, пока его кровь не потекла по подбородку, не закапала на моё белое платье алыми пятнами.

Кто-то из свидетелей шагнул к нам.

Арис поднял свободную руку, останавливая.

— Выйдите.

— Повелитель...

— Все вон!

Они исчезли. Полотно шатра опустилось. Мы остались вдвоём.

Я ожидала удара. Он мог разломать мою челюсть одним движением, выбить зубы, вырвать язык. Но Арис не шевелился. Смотрел на меня сверху вниз, тяжело дыша, и в его глазах разгоралось нечто страшнее ярости.

Желание.

Я увидела его в расширенных зрачках, в оскале выпущенных клыков, в том, как напряглось всё сильное тело. Боль возбуждала его. Моё сопротивление било в кровь сильнее любого яда.

От этого понимания меня обдало жаром. Собственное тело оказалось предателем похуже сердца: соски напряглись под разорванной тканью, по позвоночнику прошла дрожь, между ног болезненно сжались мышцы.

Я возненавидела себя.

И укусила ещё сильнее.

Арис тихо зарычал.

— Вот так, Карглазая. Покажи, как сильно меня ненавидишь.

Я разжала зубы только для того, чтобы прошипеть:

— Однажды я перекушу тебе горло.

Кровь стекала с губ. Арис обхватил мой подбородок окровавленной ладонью и размазал её по щеке.

— Почему не сейчас?

— Потому что ты подаёшь руку вместо шеи.

— А ты всегда берёшь то, что дают?

— Нет. Иногда я притворяюсь, что беру, а потом откусываю.

Он засмеялся. Низко, безумно, почти болезненно. Затем сунул большой палец между моих губ. Я дёрнулась, но Арис удержал затылок второй рукой.

— Раз уж решила питаться моей плотью, не смей выплёвывать кровь.

Я сжала зубы на его пальце. Он надавил сильнее, заставляя открыть рот. Металлический вкус заполнил язык. Мы смотрели друг другу в глаза, и это было грязнее любой близости. Я стояла перед ним на коленях, с его кровью во рту, а он дрожал не от боли.

— Глотай.

Я выплюнула кровь ему в лицо.

Алые капли легли на скулы и губы.

Тишина стала плотной, как стена.

Арис медленно провёл языком по нижней губе, собирая собственную кровь. В глазах полыхнуло серебряное пламя.

— Ты пожалеешь.

— Встань в очередь. Я жалею обо всём, что связано с тобой.

Он рванул меня вверх за ошейник. Металл впился в рану, боль вспыхнула белым светом. Я оказалась прижата к его груди, чувствуя жар кожи и бешеные удары сердца. Его лицо было совсем близко. Кровь на губах. Ярость в глазах. Желание между нами — огромный зверь, которого мы оба морили голодом.

— Лжёшь, — выдохнул Арис. — Если бы жалела, не смотрела бы на мой рот так, будто хочешь укусить снова.

— Я выбираю место, где тоньше кожа.

— А тело выбирает другое.

Его ладонь легла на моё бедро. Не двинулась выше, но от одного прикосновения мышцы свело, будто он провёл когтями по оголённым нервам. Я ударила его по раненой руке. Арис поморщился и прижал меня сильнее.

— Отпусти.

— Попроси хозяина.

— Лучше откушу себе язык.

— Не смей. Он мне нравится.

От этого хриплого признания по телу прошла новая дрожь. Я ненавидела его за способность одним предложением воскресить то, что он сам убил.

Арис наклонился к моему рту.

Я повернула голову. Его губы коснулись окровавленной щеки. Не поцелуй — почти укус, обещание, от которого у меня пересохло в горле.

— Ты думала, я унижу тебя и ничего не почувствую? — прошептал он. — Каждый раз, когда ставлю тебя на колени, я вспоминаю, как стоял перед тобой сам. Каждый раз, когда называю рабыней, слышу твой голос, называющий меня любимым. Ты натянула между нами цепь, Кареглазая. Теперь не жалуйся, что она режет тебя вместе со мной.

На одно мгновение мне стало больнее за него, чем за себя.

Именно поэтому я ударила.

Лбом в переносицу. Хрустнул хрящ, по лицу Ариса потекла кровь. Он отпустил, и я рухнула на пол, задыхаясь, прижав ладонь к животу.

Слишком резко.

Внутри кольнуло. Страх мгновенно выморозил всё остальное.

Только бы с малышом ничего не случилось.

Я убрала руку прежде, чем Арис успел заметить смысл движения, и заставила себя усмехнуться.

— Завтрак окончен?

Он вправил нос одним движением. Кость хрустнула снова. Арис вытер кровь тыльной стороной ладони и посмотрел на прокушенную плоть.

Рана уже начинала затягиваться.

— Нет.

Он сел, поднял с блюда новый кусок мяса и протянул мне окровавленной рукой.

— Ешь.

Я посмотрела на него, не веря.

— Ты больной.

— А ты голодная.

— Я больше не возьму ничего из твоих рук.

— Возьмёшь. Или я буду держать тебе рот открытым, пока целитель не зальёт пищу прямо в глотку.

Мы смотрели друг на друга. Он не знал, почему я должна подчиниться. Не знал, что выбор уже сделан не мной.

Ради ребёнка.

Я снова опустилась перед ним на колени.

На этот раз слёзы текли свободно. Я не пыталась остановить их. Пусть смотрит. Пусть захлебнётся каждой. Однажды он узнает, ради кого я проглотила гордость вместе с его кровью.

Арис поднёс мясо к моим губам.

Я взяла его осторожно, не касаясь зубами кожи.

Он не улыбался.

В серых глазах стояла такая боль, будто это не я ползала перед ним на коленях, а он сам снова оказался в клетке.

— Хорошая девочка, — повторил Арис, но теперь голос сорвался.

Он дал мне ещё один кусок. Потом ещё. Медленно, без прежней насмешки, словно сам попал в ловушку, которую расставил для меня. Я ела с его руки, и каждое движение губ по окровавленным пальцам отзывалось дрожью в нас обоих. Больше я не кусала. Это почему-то мучило его сильнее укуса. Арис ждал нападения, готовился к боли, а получал покорность, которой так добивался, — и теперь не знал, что с ней делать.

— Почему плачешь? — спросил он наконец.

— От счастья. Не каждый день Повелитель лично кормит пленницу.

— Ты сама выбрала колени.

— Между коленями и голодной смертью? Какая щедрость выбора. Рабы наверняка обожают тебя за такую свободу.

Его пальцы замерли у моих губ.

— Ты могла попросить еду вчера.

— Тебя?

— Меня.

— Я лучше буду жрать собственную плоть.

— Но сейчас ешь мою.

Взгляд невольно опустился на прокушенную ладонь. Рана почти закрылась, однако вокруг неё оставались следы моих зубов — багровые полумесяцы, соединённые рваными полосами. Моё клеймо на его коже. От этой мысли в груди возникло тёмное, болезненное удовлетворение.

— Она ядовитая, — сказала я. — Скоро меня вырвет.

— Проглотишь обратно. Я не позволю пропасть ни кусочку своего гостеприимства.

— Когда-нибудь твоим гостеприимством будут лакомиться черви.

— Ты будешь ревновать.

Я рассмеялась. Смех вышел хриплым и почти сразу превратился во всхлип. Слёзы снова хлынули сильнее, будто тело решило выплакать всё, что я запрещала ему со вчерашнего дня. Я отвернулась, но Арис поймал за подбородок.

— Смотри на меня.

— Наслаждайся без моего участия.

— Я сказал — смотри.

Он заставил поднять лицо. Я не успела спрятать ничего: ни слёз, ни унижения, ни той невозможной любви, которая всё ещё корчилась под ненавистью. Арис увидел. Его взгляд изменился, на мгновение стал таким же голым.

— Почему ты надела его кольцо? — спросил он тихо.

Впервые без издёвки. Без «жены Ванитаса». Только вопрос мужчины, которому вынули сердце и оставили смотреть, как оно бьётся в чужой руке.

Я могла ответить. Рассказать о семье, угрозах, о цене, которую собиралась заплатить. Но передо мной сидел тот, кто выставил меня на поводке перед лагерем и заставил есть с ладони. Правда стала бы ещё одной частью меня, отданной ему добровольно.

— Потому что захотела.

Лицо Ариса окаменело.

Я увидела, как мои слова вошли в него. Увидела кровь, которой не было снаружи, и почти потянулась назад, чтобы вырвать их. Поздно.

— Тогда ешь, — произнёс он уже другим голосом. Холодным, мёртвым. — Тебе понадобятся силы. Я хочу, чтобы к приезду мужа ты выглядела достаточно хорошо и он сразу понял, какой щедрый хозяин достался его жене.

— Ванитас не приедет.

— Приедет Аш. Этого будет достаточно.

В шатёр вошла эльфийка с водой. Увидев меня на коленях, с лицом, залитым слезами и кровью Ариса, она опустила глаза, но я успела заметить в них торжество. К вечеру весь лагерь будет знать, как дочь Аша ела с ладони бывшего раба.

Арис взял кубок, поднёс к моим губам и наклонил. Вода полилась слишком быстро. Я захлебнулась, закашлялась, часть потекла по подбородку и груди. Он уменьшил наклон, второй рукой придерживая мой затылок.

Со стороны это могло показаться заботой.

Но пальцы лежали поверх ошейника.

Напоминая, что даже глоток воды теперь принадлежит ему.

Я напилась и отвернулась. Арис поставил кубок, отпустил волосы. На его лице не было победы.

Только пустота человека, который наконец получил желаемое и обнаружил, что оно режет руки до кости.

Я проглотила мясо и прошептала:

— Запомни этот вкус, хозяин. Когда-нибудь я накормлю тебя твоим собственным сердцем.

Глава 4

Вкус собственной крови на её губах сводил меня с ума.

Я смотрел, как Лиат медленно поднимается с колен, держась за край стола, как дрожат её ноги под разорванным свадебным платьем, как слёзы ещё блестят на ресницах, а по подбородку тянется тёмно-красная дорожка, — и понимал, что должен выйти. Немедленно. Пока не схватил её за волосы, не смял этот окровавленный рот своим, не стёр с него все чужие клятвы и имена.

Вместо этого я остался.

Наверное, именно так и выглядит безумие: ты видишь пропасть, знаешь, сколько костей переломаешь на дне, и всё равно делаешь шаг, потому что там, внизу, стоит она.

Лиат вытерла губы тыльной стороной ладони и посмотрела на кровь. Мою кровь. Затем подняла глаза.

— Насытилась? — спросил я.

— Нет. Но для первого завтрака хозяина оказалось слишком мало.

— В следующий раз отрежу кусок побольше.

— Начни с языка. Без него ты станешь почти терпимым.

Она попыталась отойти, но цепь закончилась. Металл натянулся между нами, и Лиат остановилась, раздражённо посмотрев на ошейник. В этом движении было столько прежней надменности, что на мгновение я увидел её в Цитадели: хозяйку гладиаторов, избалованную дочь Аша, женщину, перед которой я однажды добровольно склонился.

Потом взгляд зацепился за белую ткань.

За платье Ванитаса.

Я подошёл.

— Сними его.

— Что?

— Платье. Сними.

Лиат медленно улыбнулась. Улыбка получилась усталой, но ядовитой.

— Твой первый приказ, который я готова выполнить с удовольствием. Отвернись.

— Почему? Вдруг увижу то, чего не видел раньше?

— Увидишь женщину, которая больше не принадлежит тебе. Говорят, от такого мужчины слепнут.

Я обошёл её, остановился за спиной и взялся за разорванный край ткани. Лиат напряглась. Не отступила, не попросила. Только её дыхание стало глубже.

— Ты никогда мне не принадлежала, — сказал я, наклоняясь к её уху. — Ты просто позволяла мне так думать.

— Наконец-то понял.

— Поэтому теперь я не стану думать. Я поставлю клеймо.

Она резко обернулась, цепь скользнула между нами.

— Попробуй.

Одно слово. Вызов. Приговор нам обоим.

Я разорвал платье.

Ткань поддалась с сухим треском, расползлась от спины до бёдер. Лиат вздрогнула, но осталась стоять. Белые лоскуты соскользнули вниз, обнажая золотистую кожу, и всё внутри меня залило чёрной яростью.

На её теле не осталось почти ни одного чистого места.

Светлые шрамы от прежних боёв пересекались со свежими следами пыток. Синяки расплзались по рёбрам гнилыми цветами, тонкие порезы покрывали спину, на бёдрах темнели

следы пальцев, слишком крупные, чтобы принадлежать женщине. Некоторые раны уже затянулись, другие всё ещё воспалились по краям.

Я видел всё это, когда нашёл её. Но тогда вокруг была кровь, бой и запах Ванитаса. Теперь Лиаг стояла передо мной в тишине, и каждая отметина начинала говорить.

Они кричали.

Громче неё.

Громче меня.

— Кто трогал тебя?

— Ты собираешь список или ревнуешь к почерку?

Я провёл пальцами по багровому отпечатку на бедре. Лиаг дёрнулась и ударила по руке.

— Не трогай.

— Это Ванитас?

— Какая разница?

Я схватил её за затылок и развернул к себе.

— Это он?

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно. Без паузы, без расчёта. Я хотел ему поверить настолько отчаянно, что именно поэтому не поверил.

— Тогда кто?

— Его палач.

Имя само поднялось из памяти:

— Альгос.

Лиаг побледнела. Всего на мгновение в карих глазах вспыхнул животный страх, и я понял, что угадал.

— Он касался тебя здесь? — Пальцы легли поверх следа.

— Он резал меня там. Если тебя интересуют подробности, найди его и попроси повторить.

— Я найду.

Моя сила рванулась наружу. В шатре потемнело, пламя в жаровнях взвилось к потолку. Хотелось уничтожить всё вокруг, потому что Альгоса не было рядом и я не мог разорвать его прямо сейчас.

Лиаг смотрела на меня, тяжело дыша.

— Не изображай защитника. Ты опоздал.

— Я не знал, где ты.

— Моя мать тоже не знала, где ты. Тебе ведь это не помешало возненавидеть её.

Удар вошёл под рёбра и провернулся.

Я сжал пальцы на её затылке.

— Не сравнивай.

— Почему? Потому что сравнение не в твою пользу?

— Потому что ты сама ушла к Ванитасу.

— А ты сам выбрал ненависть.

— После того как ты выбрала его!

Рёв вырвался прежде, чем я успел его остановить. Жаровни погасли. На несколько мгновений шатёр утонул в темноте, и только наши глаза горели — мои серебряным пламенем, её густым, почти чёрным янтарём.

— Ответь мне, — потребовал я. — Он прикасался к тебе как мужчина?

— Ты спрашивал. Я ответила.

— Соврала.

— Тогда зачем снова спрашиваешь? Выбери ложь, которая причинит тебе больше боли, и наслаждайся.

Я приблизил её лицо. Наши губы разделял вдох. На её рту ещё оставалась моя кровь, и я чувствовал её запах сильнее дыма.

— Я пойму.

— Как?

— Твоё тело расскажет.

Лиат засмеялась. Тихо, надломленно.

— Моё тело всегда было глупее меня.

— Нет. Оно единственное никогда мне не лгало.

Я коснулся её губ.

Не поцелуем — сначала только большим пальцем, размазывая кровь по нижней. Лиат не отстранилась. Смотрела прямо в глаза, и в этом взгляде было обещание убийства. Я провёл пальцем между губ, почувствовал её зубы.

— Кусай.

— Тебе понравилось?

— Мне понравилось, что ты наконец прикоснулась ко мне без кольца Ванитаса.

Она стиснула зубы. Боль прострелила палец, но я не убрал.

— Сильнее.

— Ты болен.

— Тобой.

Слова сорвались сами.

Лиат разжала зубы. В её глазах вспыхнуло то же проклятое чувство, которое я ненавидел в себе. Она услышала не признание, а правду: болезнь не проходит от ненависти. Она только становится смертельнее.

Я наклонился и поцеловал её.

В первый миг Лиат застыла. Затем ударила ладонями в грудь, пытаясь оттолкнуть. Я удержал затылок, но не сомкнул второй руки на теле. Не заставлял отвечать. Только прижимался губами к её рту, чувствуя солёный вкус слёз и железный вкус крови, позволяя ей решить.

Она решила.

Пальцы, ещё секунду назад отталкивающие меня, вцепились в плечи. Ногти вошли в кожу. Лиат сама подалась навстречу и укусила за губу, впуская боль между нами раньше языка.

Вот теперь я потерял разум.

Смял её рот, отвечая на укус, ворвался глубже, забирая воздух и стоны, которые она пыталась проглотить. Лиат выгнулась, прижимаясь всем телом, и я почувствовал, как дрожат её мышцы, как бешено бьётся сердце. Она ненавидела меня. Каждое движение кричало об этом. Но отвечала так, будто тоже умирала от голода.

Я подхватил её под бёдра и посадил на край стола. Посуда полетела на пол. Металл загремел, мясо и ягоды рассыпались по шкурам, но мне было всё равно. Лиат обхватила меня ногами, цепь ударила о столешницу.

— Ненавижу, — выдохнула она мне в рот.

— Покажи.

Она провела когтями по спине. Кожа разошлась четырьмя горячими линиями. Я зарычал и прикусил её шею выше ошейника, там, где пульс бился прямо под губами.

— Здесь тоньше кожа, — напомнил я.

— Я доберусь до горла.

— Давай.

Мы целовались как дрались — без пощады, пытаюсь не подарить наслаждение, а причинить его. Лиаг рвала мои волосы, царапала плечи, впивалась зубами. Я удерживал её на краю стола и чувствовал, как она сама прижимается ближе, как её тело узнаёт меня вопреки словам.

Проклятая память плоти.

Она не знала политики. Не видела колец и алтарей. Она помнила только, как мы горели вместе.

Я провёл ладонями по её бёдрам, осторожнее на местах синяков. Лиаг заметила эту осторожность и тут же оттолкнула.

— Не смей меня жалеть.

— Я не умею.

— Тогда почему не касаешься там, где больно?

— Потому что эта боль не моя.

Она замерла.

Я тоже понял смысл собственных слов. Мне хотелось выжечь с её кожи следы Альгоса и Ванитаса, оставить поверх только свои — не из желания мучить, а потому что чужие отметины сводили с ума.

— Никакая моя боль тебе не принадлежит, — сказала Лиаг.

— Принадлежит всё.

— Даже та, которую причинил ты?

— Особенно она.

Я снова поцеловал её, но теперь Лиаг отвернулась. Губы коснулись щеки, скользнули по влажной коже.

— Скажи, что он тебя не трогал.

— Я уже сказала.

— Скажи ещё раз.

— Зачем, если не веришь?

— Потому что хочу услышать.

Она посмотрела на меня. Волосы растрепались, губы распухли от поцелуев и укусов, карие глаза стали почти чёрными. Такая красивая, что больно смотреть. Моя погибель, сидящая передо мной в остатках чужого свадебного платья.

— Ванитас не прикасался ко мне, — произнесла Лиаг медленно. — Ни до свадьбы, ни после.

Внутри лопнула натянутая струна. Облегчение оказалось почти болезненным, но следом пришла новая ярость.

— Тогда зачем?

— Потому что так было нужно.

— Кому?

— Не тебе.

— Ашу?

Она промолчала.

Конечно. Всегда Аш. Его жизнь, его власть, его Мендемай. Ради него Шели однажды позволила мне исчезнуть. Ради него Лиаг надела кольцо другого мужчины.

Я отступил.

Она не сразу разжала ноги. Всего мгновение продолжала удерживать меня, словно тело ещё не поняло, что всё закончилось. Затем отпустила.

— Вот и правда, — сказал я. — Ты выбрала отца.

— Я выбрала семью.

— Семей, в которой для меня никогда не было места.

— Ты сам выжег его.

Я схватил цепь и дёрнул. Лиат соскользнула со стола, но удержалась на ногах.

— Идём.

— Куда теперь?

— Смывать с тебя запах свадьбы.

В соседней части шатра стояла широкая каменная купель, наполненная горячей водой. Пар поднимался к потолку. Я приготовил её ещё ночью, убеждая себя, что только ради того, чтобы избавиться от белого платья.

Лиат посмотрела на воду и на меня.

— Выйди.

— Нет.

— Тогда я не стану мыться.

— Станешь.

— Снова прикажешь?

— Помогу.

Она вскинула руку, но я перехватил запястье. Мы замерли. На её губах моя кровь. На моей спине её царапины. Воздух между нами был густым от неутолённого желания.

— Не трогай меня, — тихо сказала Лиат, но пальцы не пытались вырваться.

— Скажи это так, чтобы поверило твоё тело.

— Оно тебе ничего не обещало.

— Оно только что ответило.

— На ненависть.

— Мне всё равно, как называется то, что заставляет тебя дрожать.

Я отпустил её руку. Она могла отойти. Не отошла.

Лиат сама стянула остатки платья с плеч и позволила ткани упасть. Не для меня — демонстративно отвернувшись, будто я был пустым местом. Но дрожь пробежала по её спине, когда мой взгляд коснулся обнажённой кожи.

Она шагнула в воду. Медленно погрузилась, зажмурившись от боли, когда горячая вода коснулась ран.

Я остался рядом.

— Доволен? — спросила она, не открывая глаз.

— Нет.

— Чего ещё хочет хозяин?

Я опустил на край купели и намотал цепь на ладонь.

— Чтобы ты сказала, почему надела кольцо.

Лиат открыла глаза.

— А я хочу, чтобы ты поверил без объяснений.

— Ты потеряла право требовать веры.

— А ты — право на правду.

Мы смотрели друг на друга сквозь пар. Её лицо было мокрым, и я не мог понять, вода стекала по щекам или слёзы.

— Тогда останешься женой Ванитаса, — произнёс я. — В моём ошейнике.

— А ты останешься моим рабом, Арис. Даже сидя на троне.

Я натянул цепь, заставляя её приблизиться к краю. Лиат подплыла сама, остановилась между моих колен и положила ладони на камень.

— Хочешь доказать обратное? — прошептала она. — Попробуй.

Вызов снова повис между нами.

Я коснулся её лица, провёл пальцами по скуле. Лиат не отвернулась. Только глаза блеснули сквозь пар — яростные, прекрасные, наполненные тем же голодом.

Я вошёл в воду прямо в одежде. Горячая волна поднялась до пояса, ударила о край и выплеснулась на каменный пол. Лиаг отступила, но купель была слишком тесной для бегства. Её спина коснулась противоположного борта.

— Решил утопить?

— Тебя? Ты слишком ядовитая. Вода испортится.

— Тогда чего полез?

— Ты пропустила кровь.

Я взял лежащую на краю ткань, намочил и провёл по её плечу. Лиаг вздрогнула. На белом полотне осталась бурая полоса. Снова провёл — по ключице, осторожно обходя воспалённый порез. Она следила за каждым движением, будто ждала, когда забота превратится в очередную пытку.

Наверное, я тоже ждал.

— Не нужно, — сказала она.

— Что именно? Смывать кровь?

— Делать вид, что тебе не всё равно.

— Я ничего не делаю для тебя. Мне неприятно смотреть на чужую работу.

— Конечно. Ты предпочитаешь собственную.

Лиаг коснулась ошейника. Под ним вода уже розовела. Я отложил ткань и провёл пальцами под металлом, проверяя рану. Она зашипела, но не отстранилась.

— Сними его.

— Нет.

— Боишься, что без цепи я уйду?

— Боюсь забыть, кем ты стала.

— А я боюсь, что однажды ты согласишься в зеркало и согласишься, кем был сам.

Я расстегнул замок. Ошейник разомкнулся и с тяжёлым всплеском упал в воду. Лиаг удивлённо посмотрела на меня, затем подняла руку к шее. На золотистой коже горело багровое кольцо, местами разорванное до мяса.

Увидев его без металла, я почувствовал, как внутри что-то скручивается в тугую, болезненный узел.

— Не радуйся. Верну, когда обработают рану.

— Я уже решила, что в тебе проснулся мужчина.

— Он не спит рядом с тобой.

Взгляд Лиаг опустился ниже, и её губы дрогнули.

— Я заметила.

Проклятая. Даже сейчас умудрялась превратить насмешку в прикосновение. Я отбросил мокрые волосы с её плеча и прижался губами к следу ошейника. Лиаг резко вдохнула, пальцы сомкнулись на моих плечах.

Не отталкивали.

Держали.

Я коснулся языком солёной кожи, почувствовал вкус крови. Она запрокинула голову, открывая шею ещё сильнее, и тут же тихо выругалась, будто ненавидела себя за этот жест.

— Вот так, — прошептал я. — Тело снова говорит.

— Оно просит, чтобы ты перегрыз мне горло.

— Нет. Оно знает, что я никогда этого не сделаю.

Я поцеловал ниже, вдоль ключицы. Лиаг впилась ногтями в спину, попадая в свежие царапины. Боль смешалась с жаром, заставила стиснуть зубы. Она почувствовала и повторила, медленнее проводя когтями по тем же следам.

— Больно?

— Недостаточно.

— Я исправлюсь.

Она сама притянула меня за волосы и впилась в рот. Вода качнулась между телами. Поцелуй оказался ещё яростнее прежнего: без зрителей, без стола, без возможности выдать его за продолжение наказания. Здесь никто не заставлял Лиат отвечать. Никто, кроме той же болезни, которая пожирала меня.

Мои ладони скользнули по её спине, остановились на талии. Она была слишком худой. Пальцы почти встретились на рёбрах. Я ненавидел это — и одновременно терял рассудок от ощущения её кожи под руками.

Лиат прижалась ближе, её колено коснулось моего бедра. Из груди вырвался рык. Я обхватил её лицо, углубляя поцелуй, и на несколько мгновений исчезло всё: Аш, Ванитас, трон, война. Остались только её губы, вода и пульс, бьющийся у меня под пальцами.

Затем ладонь Лиат легла мне на грудь — прямо поверх сердца.

— Оно всё-таки есть, — выдохнула она.

— Что?

— Место, куда вонзить нож.

— Запоминай. Я позволю тебе попробовать.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас у тебя нет ножа.

— Зато есть ты.

Она царапнула кожу над сердцем. Медленно, выводя когтем тонкую кровавую линию. Я не остановил.

— Вот здесь, Арис?

— Глубже.

— Всегда глубже. Тебе никогда не было достаточно того, что я отдавала.

— Потому что ты оставила себе самое главное.

— Что?

— Выбор.

Её рука замерла.

Вот она — настоящая рана, которую мы продолжали раздирать телами, словами и кровью. Не Ванитас. Не кольцо. Она выбрала не меня, и никакое желание не могло этого изменить.

Я перехватил её запястье, убрал руку от сердца и отступил на полшага. Вода между нами внезапно показалась ледяной.

— Не сегодня, — сказал я.

Она вздрогнула так, будто я ударил.

— Боишься?

— Нет. Хочу, чтобы в следующий раз ты пришла сама.

— Тогда тебе придётся ждать вечность.

— Я уже ждал тебя всю жизнь.

Я поднялся и выпустил цепь из руки. Металл соскользнул в воду, исчезнув между нами. За спиной раздался её тихий смех, но в нём было больше боли, чем насмешки.

— Ты так ничего и не понял, инкуб.

Я остановился у выхода.

— Что именно?

— Я уже пришла сама. И именно поэтому ненавижу тебя сильнее.

Глава 5

Я уже пришла сама.

Эти слова продолжали гореть у меня на языке даже после того, как Арис ушёл, оставив меня одну в остывающей купальне — голую, дрожащую, с его вкусом во рту и с такой ненавистью к себе, что хотелось содрать губы ногтями, лишь бы больше не чувствовать на них его поцелуев.

Ненависть должна была очищать. Моя — пачкала сильнее крови.

Я сидела в воде, обняв колени, и смотрела, как по поверхности расползаются тонкие багровые нити. Его кровь. Моя кровь. Всё смешалось, будто даже наши раны не умели существовать отдельно, и от этой мысли меня выворачивало до судороги вдоль позвоночника. Между ног ещё жила тупая, унижительная тяжесть несостоявшейся близости, грудь болела там, где касался его рот, а кожа помнила каждое движение ладоней лучше, чем разум помнил все причины убить его.

Он остановился.

Не взял то, что мог взять.

И этим унизил страшнее, чем если бы воспользовался цепью, ошейником и моей слабостью. Потому что оставил мне правду: я отвечала сама. Я впустила его в рот, в дыхание, под кожу. Царапала не только от ненависти. Прижималась не потому, что некуда было отступать.

— Предательница, — прошептала я своему отражению.

Вода качнула разбитое лицо. Карие глаза казались огромными, лихорадочно блестели, мокрые чёрные волосы облепили скулы. На шее багровела полоса от ошейника, но рядом с ней темнел след его губ, и именно его я тёрла ладонью, пока кожа не вспыхнула болью.

Под рёбрами вдруг потянуло.

Я замерла, прижав руку к животу. Боль была негромкой, ещё не острой — тонкой проволокой стянула низ живота и медленно закручивалась туже. После голода, дороги и пыток Альгоса я научилась различать оттенки мучения, как музыкант различает ноты. Эта нота была новой. От неё не хотелось кричать. От неё хотелось лечь, свернуться вокруг ребёнка живым щитом и молить всех богов, которых я презирала, не забирать его.

— Только не сейчас, малыш, — выдохнула я. — Пожалуйста. Мама ещё может. Я всё выдержу.

Дверь распахнулась прежде, чем я успела подняться.

Вошли две женщины-демоницы. Обе в кожаных доспехах, с оружием, будто перед ними была не измученная пленница, а целая армия. Одна несла сложенную одежду, вторая — ошейник.

Мой.

Чёрное железо лежало на её ладонях, и короткая цепь свисала между пальцев, раскачиваясь в такт шагам. Звон металла ударил по нервам. Я непроизвольно отступила, пока спиной не коснулась каменного бортика.

— Повелитель приказал одеть тебя, — сказала первая.

— Передай Повелителю, что я предпочитаю кожу его лица.

— Он велел сказать, что твоё предпочтение учтено. Когда заслужишь право выбирать одежду.

Даже через чужой рот его сарказм узнавался мгновенно. Я усмехнулась, хотя от нового спазма во рту стало сухо.

— Значит, сам прийти побоялся?

— Он ждёт тебя на площади.

— Пусть ждёт вечность.

Вторая демоница подняла ошейник.

— Тогда мы отнесём тебя. Голой.

Я посмотрела на них внимательнее. Они не злорадствовали. Не любовались моим телом, покрытым шрамами и синяками. Только исполняли приказ — спокойно, без ненависти. Наверное, именно это и было самым чудовищным в царстве Ариса: здесь унижение стало обыденностью. Рабы учились унижать рабов, потому что однажды самый сильный из них надел корону и решил, что власть пахнет иначе, если держать поводок собственными руками.

— Отвернитесь.

— Нет.

Одно слово, и во мне взметнулась ярость. Я вышла из воды, не прикрываясь. Если Арис хотел лишить меня стыда, придётся разочаровать его: стыд принадлежит тому, кто заставляет, а не тому, кого раздели. Я распрямила плечи, позволив им видеть следы пыток Альгоса, проступившие рёбра, ожоги на бёдрах и живот, пока ещё почти плоский.

Женщина с одеждой на мгновение отвела взгляд.

Победа вышла крохотной, жалкой, но я впилась в неё зубами.

Мне дали чёрное платье из грубой ткани. Без застёжек и украшений, с разрезами по бокам, чтобы не мешало идти. Одежда пленницы. Когда я просунула руки в рукава, ткань задела искусанные губы на груди, и память тут же швырнула меня обратно в воду — к горячему телу Ариса, к его рыку, к серебряным глазам, в которых я на одно безумное мгновение увидела не хозяина, а мужчину, всё ещё гибнущего от меня.

Меня затошнило.

Я едва успела отвернуться к сливному желобу. Желудок судорожно сжался, но исторгать было нечего. Только горькая вода обожгла горло. Одна из демониц шагнула ко мне.

— Не трогай! — рявкнула я слишком быстро.

Она остановилась, нахмурилась и посмотрела на мою ладонь, снова лежащую на животе.

Я опустила руку.

Поздно.

— Давно тебя тошнит?

— С той минуты, как увидела вашего Повелителя.

— Я спрошу ещё раз.

— А я снова отвечу красиво.

Мы смотрели друг на друга несколько ударов сердца. Потом она молча взяла ошейник. Я могла сопротивляться. Могла разбить ей нос, вырвать оружие, заставить Ариса услышать шум и прийти самому. Но новый спазм согнул меня изнутри, и я осталась неподвижной, пока холодное железо сомкнулось на шее.

Щёлкнул замок.

Будто захлопнулась пасть.

Металл оказался тёплым после её рук, но почти сразу начал вытягивать тепло из кожи, и вместе с ним из меня будто уходило что-то человеческое. Я вспомнила, как Арис снял ошейник в купальне. Не сорвал — расстегнул осторожно, придерживая затылок, чтобы тяжёлый обруч не задел рану. Тогда мне показалось, что железо наконец проиграло его пальцам. Теперь оно вернулось, и от этого было особенно больно: чудовище на несколько минут позволило мне поверить, что видит во мне женщину, а утром снова приказало застегнуть замок чужими руками.

Я потянула цепь на себя, проверяя длину. Четыре шага свободы. На пятом металл начал душить.

— Он сам придумал? — спросила я. — Или у вас есть специальный мастер, измеряющий, сколько воздуха оставить пленнику?

— Повелитель не любит, когда его собственность уходит далеко.

— Передай ему, что собственность иногда отгрызает хозяину руки.

— Он показывал укус, — сухо ответила демоница. — Кажется, гордится.

Щёки обдало жаром. Я возненавидела её, Ариса, себя и весь этот проклятый мир, в котором след моих зубов на его ладони мог показаться окружающим меткой страсти. Они не знали, что я хотела добраться до кости. Не слышали, как кровь стекала по подбородку. Не видели, что он смотрел на меня так, словно я не ранила, а поцеловала.

— Тогда в следующий раз укушу так, чтобы хвастаться пришлось культёй.

— В следующий раз? — впервые усмехнулась она.

Я отвернулась, потому что ответ уже стоял у меня поперёк горла: да. Будет следующий раз. Пока между нами оставалось хоть одно живое чувство, мы продолжим возвращаться друг к другу — не любить, а проверять, кто первым сумеет превратить любовь в орудие убийства.

— Если скажешь ему...

— Что? Что пленнику тошнит после голода и пыток? — женщина застегнула цепь и неожиданно тихо добавила: — Здесь половину лагеря тошнит от одного его настроения. Идём.

На площади ждали все.

Воины стояли плотными рядами вокруг чёрного помоста. Над головами трепались знамёна с серебряным пламенем, пахло потом, раскалённым металлом, кожей и утренней кровью — возле дальних столбов ещё казнили пойманных лазутчиков Ванитаса. Их крики вплетались в гул толпы, но никто не поворачивал головы. Смерть здесь была всего лишь ещё одним музыкантом в оркестре Ариса.

Он стоял наверху.

Чёрный доспех облегал широкие плечи, длинные волосы были собраны на затылке, на щеке остался тонкий след от моих ногтей. Увидев его, я ощутила чудовищный жар, словно вода в купальне всё ещё плескалась между нашими телами. Арис тоже вспомнил. Его взгляд скользнул по моим губам, шее, груди, задержался там на долю мгновения — и стал ледяным.

Рядом с ним стоял посланник Аша.

Я узнала герб отца на нагруднике и чуть не упала. Надежда не вошла в меня — ворвалась, раздирая изнутри когтями, заполнила лёгкие, ударила в виски. Отец знает. Отец ищет. Отец не оставил.

Цепь передали Арису.

Наши пальцы почти соприкоснулись. Он сжал звенья и потянул, заставляя меня податься на помост.

— Осторожнее, — прошептала я, оказавшись рядом. — Твои люди могут решить, что ты соскучился.

— Они уже решили, что я сошёл с ума. Не будем перегружать их открытиями.

— Для этого достаточно увидеть твою корону.

— Для этого достаточно увидеть тебя возле неё.

Он говорил с улыбкой, но пальцы на цепи побелели. Между нами ещё стояла купальня, обнажённая и дымящаяся, а вокруг тысячи глаз превращали любую слабость в оружие.

Посланник отца смотрел на ошейник. Молодой деус, которого я видела при дворе лишь несколько раз, сейчас был блее пепла. На его виске бился нерв.

— Госпожа Лиат, — выдохнул он.

— Не госпожа, — лениво поправил Арис. — Моя пленница.

— Дочь Аша Одияра не может быть вашей пленницей.

— Почему? У неё особенная шея, на которой не застёгивается замок?

Посланник шагнул вперёд. Клинки вокруг выскользнули из ножен одним шелестом. Я увидела, как он сглотнул, но не отступил.

— Повелитель Аш требует вернуть дочь. Взамен он готов отпустить ваших людей, захваченных у восточной границы, и дать вам сутки для отступления из Мендемая.

Арис рассмеялся. Тихо. От этого смеха по коже побежали мурашки, потому что именно так он смеялся перед тем, как начинал убивать.

— Требуется? Тот самый Аш, который продавал детей, теперь требует вернуть своего ребёнка?

Площадь замолчала.

Я повернула голову к Арису. Его лицо не изменилось, только в глазах распахнулась старая яма, дна которой не видел никто. Там всё ещё лежал мальчик, вырванный из рук Шели. Мальчик, которого выставили на продажу и научили не плакать, потому что слёзы повышали цену удовольствия палача.

Мне следовало промолчать.

Вместо этого я сказала:

— Отец пришёл за мной. А твоя мать за тобой не пришла.

Арис дёрнул цепь так резко, что ошейник перерезал дыхание. Я рухнула на колени у его ног. Толпа качнулась перед глазами. Он наклонился, намотал цепь на кулак и заставил поднять лицо.

— Повтори.

Голос был почти беззвучным. Таким бывает треск льда за мгновение до того, как под ногами раскрывается чёрная вода.

Я задыхалась. Железо впилось в воспалённую рану, по груди потекло горячее. Но боль Ариса была передо мной — огромная, уродливая, живая, и я ударила туда снова, потому что он уже разорвал всё живое во мне.

— Шели не нашла тебя. Не выбрала тебя. Не спасла. Поэтому ты решил доказать, что все родители одинаковы? Извини, инкуб. Мой отец придёт.

Серые глаза стали почти белыми.

— Да, — произнёс он, приблизив губы к моему уху. — Он придёт. И я заставлю его смотреть, как ты ползаешь у моих ног. А потом спрошу, сколько дочерей нужно отнять у него, чтобы он почувствовал то, что чувствовала Шели, когда Аш забрал меня.

— Ты ненавидишь её сильнее, чем его.

Пальцы на цепи дрогнули.

Я попала.

Не просто в рану — под неё, туда, где прятался гной.

— Потому что его ты считаешь чудовищем, — продолжила я хрипло. — А её когда-то любил. Мы всегда сильнее ненавидим тех, кого продолжаем любить.

Его лицо исказилось. На мгновение мне показалось, что он ударит. Я даже подалась навстречу, жажда кулака, боли, чего угодно, что заставит исчезнуть выражение мальчишеского ужаса в глазах взрослого демона.

Арис не ударил.

Он выпрямился и повернулся к посланнику.

— Передай Ашу: пленными он может накормить церберов. Через три дня я выйду к западным воротам. Его дочь будет идти перед моей армией. Если он выстрелит — первая стрела войдёт в неё.

— Арис! — Я рванулась, забыв о боли. — Ты прикроешься мной?

— Нет, Кареглазая. — Он посмотрел сверху вниз, и я увидела, как тщательно он запирает всё, что только что выдала его мать. — Я покажу твоему отцу цену его старых решений.

— Это не его цена. Это моя кровь.

— Наконец-то ты поняла, как устроено наследство.

Посланник побледнел ещё сильнее.

— Повелитель Аш сравнивает этот город с землёй.

— Пусть попробует не задеть дочь.

— Она беременна, безумец!

Мир остановился.

Не крики казнённых, не ветер, не знамёна — остановилась кровь внутри меня. Посланник понял, что сказал, слишком поздно. Его лицо обрушилось, словно крепостная стена после удара тарана.

Арис не двигался.

Только цепь в его руке медленно ослабла.

Я поднялась с колен. Не знаю как. Наверное, ненависть на несколько мгновений заменила мне кости. Сделала шаг к посланнику и ударила его когтями по лицу. Кровь брызнула мне на пальцы.

— Лжец, — прошипела я. — Жалкий идиот. Думаешь, ребёнок сделает меня ценнее как заложницу?

Он смотрел на меня потрясённо, но я впились взглядом, умоляя понять. Откажись. Возьми слова назад. Спаси то единственное, ради чего я ещё соглашалась дышать.

— Госпожа... Аш велел особенно беречь вас и своего внука.

Я закрыла глаза.

Вот и всё.

Тайна не взорвалась — она тихо распоролла мне живот изнутри.

Сзади не было ни звука. Это пугало сильнее ярости. Я знала Ариса кричащим, смеющимся, убивающим. Его молчание всегда означало, что чудовище ещё выбирает, какую форму принять.

— Уведите посланника, — наконец произнёс он.

— Куда? — спросил кто-то.

— За ворота. Он донёс весть. Сегодня я милосерден.

Посланника увели. Воины остались. Тысячи существ смотрели на мой живот, и впервые ошейник показался не самым страшным из того, что Арис мог на меня надеть.

Я повернулась.

Он стоял неподвижно. Лицо стало пустым, красивым и мёртвым. Взгляд опустился к моему животу.

— Чей? — спросил Арис.

Одно короткое слово проткнуло насквозь.

— Мой.

— У ребёнка есть отец.

— У ребёнка есть мать. Этого достаточно.

На скулах Ариса заходили желваки. Его взгляд стал таким тяжёлым, что я почти физически чувствовала, как он разрезает платье, кожу, заглядывает внутрь и требует от ещё нерождённого малыша доказательств. Мне захотелось закрыть живот руками, но я не позволила. Любой защитный жест выдавал страх, а Арис всегда шёл на страх, как голодный зверь на запах свежей крови.

— Ванитас знал? — спросил он.

— Ванитас знает цену наследникам.

— Я спросил не о цене.

— А ты никогда не спрашиваешь ни о чём другом. Даже меня ты сейчас оцениваешь: сколько месяцев, когда зачат, чья кровь. Не женщина — счётная доска. Не ребёнок — улика.

— Потому что ты стояла рядом с другим мужчиной перед алтарём!

Рёв прорвался из него внезапно, ударил по площади и заставил ближайших воинов отступить. Пламя на знамёнах взметнулось выше, от доспеха Ариса пошёл жар. Но мне стало холодно. Я смотрела на него и понимала: он не слышит меня. Не может. Между нами навсегда

встал тот миг, когда Ванитас надел мне кольцо, и Арис будет снова и снова судить всю нашу любовь по одному золотому ободку.

— А ты стоишь рядом со мной с поводком, — прошептала я. — Скажи, Арис, что страшнее для ребёнка: мужчина, который дал его матери своё имя, или отец, который первым подарком приготовил ей ошейник?

Он побледнел под смуглой кожей.

— Я спросил, кто отец.

— А я ответила всё, что ты имеешь право знать.

Он шагнул ко мне. Толпа перестала существовать. Остались его глаза, моя тайна и ребёнок между нами — крохотное сердце, которое ещё не понимало, что собственный отец смотрит на него как на доказательство измены.

— Срок.

— Иди к чёрту.

— Сколько месяцев, Лиат?

Я промолчала. Он схватил меня за подбородок, но пальцы дрожали. Арис, способный голыми руками вырвать сердце, боялся моего ответа.

И тогда меня снова скрутило.

На этот раз боль оказалась такой сильной, что расколола тело надвое. Я вскрикнула и согнулась, обеими руками обхватив живот. Между бёдер стало горячо.

Нет.

Нет, нет, нет.

Я посмотрела вниз. По внутренней стороне ноги медленно ползла тонкая алая струйка.

Арис увидел кровь.

Его лицо изменилось мгновенно. Исчезли ненависть, насмешка, ледяная жестокость. Цепь выпала из руки. Он подхватил меня прежде, чем колени ударились о доски, и прижал к груди с такой яростной осторожностью, будто весь мир внезапно стал хрупким.

— Лекаря! — рявкнул он, и от этого голоса содрогнулась площадь. — Сейчас же!

Я вцепилась в его доспех. Не из любви. Не ради себя. Только потому, что в эту секунду он был единственным, кто мог донести меня до помощи.

— Спаси его, — выдохнула я, захлёбываясь слезами. Гордость умерла без крика. — Арис, пожалуйста... спаси нашего сына.

Он застыл.

Серебряные глаза медленно опустились к моему лицу.

— Нашего? — переспросил он.

И в его голосе было столько надежды, что я поняла: когда он узнает, каким родится ребёнок, эта надежда убьёт нас обоих.

Глава 6

Нашего.

Одно слово вошло между рёбер, раздвинуло кости и добралось до сердца раньше, чем я успел выставить перед ним ненависть. Всё вокруг продолжало двигаться: воины расступались, кто-то звал лекаря, над площадью рвалось на ветру знамя, но я слышал только её дыхание — слабое, рваное — и это слово, бьющееся в голове вместе с безумной надеждой.

Нашего сына.

Кровь медленно стекала по ноге Лиат и падала на мой сапог. Каждая алая капля прожигала кожу сквозь металл, будто сам ад решил напомнить: всё, чего я касаюсь, рано или поздно начинает кровоточить.

— Арис... — Она вцепилась в край доспеха побелевшими пальцами. — Не стой.

Я сорвался с места.

Люди отлетали с дороги, едва успевали прижаться к стенам. Я нёс её через крепость, не чувствуя веса, и впервые за многие годы боялся сделать шаг слишком резко. Лиат всегда казалась несокрушимой — чёрные волосы, карие глаза, гордость Аша, вложенная в тонкое женское тело вместо позвоночника. Теперь она была лёгкой, почти невесомой, и эта лёгкость ужасала сильнее армии у ворот.

— Смотри на меня, — приказал я.

— Даже перед смертью... не дождёшься признания в своей красоте.

Губы у неё посинели, но она всё ещё язвила. Моя Кареглазая. Я чуть не рассмеялся и чуть не взвыл одновременно.

— Умрёшь — верну и убью ещё раз.

— Какая... романтическая клятва.

Её веки опустились.

— Лиат!

Я встряхнул её и тут же проклял себя. Она застонала, прижала ладонь к животу. Из-под платья показалась новая кровь.

— Не смей закрывать глаза.

— Тогда перестань... мельтешить перед ними.

Я распахнул дверь лекарской плечом. Дерево треснуло и сорвалось с верхней петли. За столом сидела старая демоница по имени Маэна — одна из немногих, кому позволялось не вставать при моём появлении. Когда-то она сшивала меня после арен, потом лечила рабов, которых прежние хозяева считали слишком дешёвыми для лекарей. Теперь перед ней лежали мои солдаты, и за каждого погибшего она ругала меня так, будто корона давала право командовать только мне одному.

Маэна увидела кровь и сбросила со стола всё одним движением.

— Клади.

Я опустил Лиат на белую ткань. Она зашипела, когда я попытался убрать руки.

— Не уходи.

Тихо. Почти неслышно. Но я слышал.

Я остался, хотя в груди уже рождалось чудовище, готовое разорвать любого, кто увидит в её просьбе мою слабость.

Маэна задрала платье до бёдер. Лиат рванулась прикрыться, и я накрыл её ладони своими.

— Она должна посмотреть.

— А ты нет.

— Я видел тебя без платья.

— Ты видел женщину, которая хотела тебя. Сейчас перед тобой мать, которая тебя ненавидит.

Слова врезались точно. Я наклонился к её лицу.

— Если это мой сын, ты больше никогда не закроешь его от меня.

— Если он выживет, я закрою его собой даже от богов. От тебя — особенно.

Маэна ударила меня тыльной стороной ладони по запястью.

— Хочешь выяснять, кто из вас сильнее, выйдите во двор и перегрызайте друг другу глотки. Здесь замолчали оба.

Я медленно повернул к ней голову. Любому другому за подобный тон вырвали бы язык. Старая демоница даже бровью не повела.

— Спаси ребёнка.

— Я догадалась, что ты принёс её не ради новой пытки.

Лиат дёрнулась. Маэна посмотрела на ошейник, на кровавую полосу под ним, затем на меня. В её тёмных глазах не было страха — только брезгливое узнавание.

— Сними это.

— Ошейник не мешает осмотру.

— Ей мешает дышать.

— Она моя пленница.

— А ты, значит, Аш.

Меня ударили не ладонью — прошлым.

Комната сузилась. Исчезли белые стены, запах трав, стон Лиат. Остался аукционный помост, раскалённое железо возле щеки и голос торговца, нахваливавшего мои зубы, спину и способность долго не умирать. Аш стоял далеко, но всю жизнь я видел его руку на цепи. Иногда во сне эта рука становилась моей.

Я сорвал ключ с пояса и открыл замок. Железо упало на пол с таким грохотом, будто рухнула корона.

Маэна ничего не сказала. От этого я возненавидел её ещё сильнее.

Она положила ладони на живот Лиат. Между пальцами вспыхнуло тусклое синее свечение. Лиат выгнулась и закричала. Я схватил Маэну за горло прежде, чем успел подумать.

— Ей больно.

— Потому что внутри спазм, идиот, — прохрипела лекарка. — Отпустишь меня или сам примешь роды на несколько месяцев раньше?

Пальцы разжались.

Несколько месяцев.

Я посмотрел на живот Лиат. Почти плоский. Только теперь, зная, можно было заметить едва различимую округлость ниже пупка. Там находился ребёнок. Мой ребёнок, если она не солгала. Сын, которого я уже успел тащить на поводке вместе с матерью. Сын, на чью жизнь поставил собственную месть.

Меня затошнило от себя.

— Что с ним?

Маэна не ответила. Сияние стало ярче. Лиат закусила губу до крови, но не закричала снова. Я подставил ладонь.

— Кусай.

Она открыла глаза. В них плавали слёзы и презрение.

— Понравилось в прошлый раз?

— Ты отвлекаешься, когда причиняешь мне боль.

— Самоуверенный ублюдок.

— Значит, силы возвращаются.

Новый спазм скрутил её. Лиат вцепилась зубами в мою ладонь, и боль прошла руку до локтя. Я не отнял. Пусть рвёт. Пусть добирается до кости. Если её боль можно было хотя бы на мгновение перелить в меня через этот укус, я выпил бы всю.

Маэна провела светом ниже. Кровь на ткани зашипела и почернела.

— Отравление, истощение, старые зелья, которыми её накачивали, — проговорила она. — Организм удерживает плод на одной ярости. Удивительно подходящая мать для твоего ребёнка.

— Он жив?

— Пока да.

Пока.

В этом слове раскрылась пропасть.

— Сделай так, чтобы не «пока».

— Я лекарь, не богиня. Мне нужны тишина, кровь матери, покой и отсутствие рядом самовлюблённого инкуба, заставляющего беременную женщину ходить в цепях.

— Моя кровь подойдёт?

Маэна вскинула на меня глаза.

— Если ребёнок твой — да.

Лиат выпустила мою руку.

— Нет.

— Ты сказала, он наш.

— Я сказала это в отчаянии.

Мир снова качнулся, но теперь я не позволил ему увидеть, что удар достиг цели.

— Значит, солгала?

— Значит, не позволю тебе проверить его кровь как товар перед покупкой.

— Я не спрашиваю разрешения.

— Конечно. Ты ведь хозяин.

Она произнесла это без крика, и именно поэтому мне захотелось разбить стену головой. Несколько минут назад я смотрел на кровь и молил безымянных богов, чтобы сын оказался моим. Теперь Лиат снова вытаскивала между нами цепь, даже лежа без ошейника.

Маэна взяла тонкий серебряный нож.

— Мне понадобится всего несколько капель. Не для определения отцовства. Чтобы укрепить плод. Решай быстро, Повелитель. Он слабеет.

Я провёл лезвием по предплечью. Глубоко, до кости. Кровь хлынула на ладонь, потекла по пальцам. Маэна выругалась.

— Несколько капель, а не попытка самоубийства.

— Бери сколько нужно.

Лиат смотрела на рану. Лицо дрогнуло, будто боль почувствовала она.

— Не смей умирать сейчас, Арис.

— Боишься остаться вдовой второй раз за неделю?

— Боюсь, что не успею убить тебя сама.

— Вот и причина жить.

Маэна собрала кровь в чашу, смешала с тёмным отваром и провела пальцами над жидкостью. Та вспыхнула серебром.

Моим цветом.

Я перестал дышать.

— Реакция есть, — сказала она. — Плод принимает кровь.

Ноги внезапно стали тяжёлыми. Я опёрся ладонью о край стола, потому что иначе впервые в жизни мог упасть на колени не от удара.

— Значит, он мой.

— Это значит, что кровь ему подходит. Не заставляй меня говорить больше, чем я знаю. Но я уже не слышал предостережения. Внутри меня, там, где много лет была только выжженная земля, кто-то сделал первый вдох.

Сын.

Мой.

Не наследник, не оружие против Аша, не продолжение рода. Маленькое живое существо, которое однажды посмотрит на меня и, возможно, не увидит ни раба, ни чудовище. Если я успею стать для него кем-то другим.

Маэна поднесла чашу к губам Лиа́т.

— Пей.

Лиа́т отвернулась.

— Там его кровь.

— Там жизнь твоего ребёнка.

— И яд.

— Моя кровь для тебя никогда не была ядом, — сказал я.

Она посмотрела прямо на меня.

— Была. Просто я принимала её за любовь.

Я мог ответить жестокостью. Она ждала. Даже напряглась, готовясь, что я зажму ей нос и волю отвар насильно. Прежний Арис сделал бы именно так. Раб, ставший хозяином, всегда особенно любит принуждение: оно доказывает, что теперь сопротивляются ему.

Я взял чашу у Маэны и отпил первым.

Горечь обожгла язык.

— Если яд, умрём вместе.

— Ты не умеешь делать ничего без театра?

— Умею. Страдать. Но зрители обычно всё равно находятся.

Я снова поднёс чашу к её губам, не касаясь. Лиа́т долго смотрела на меня, потом сама приподняла голову и отпила. Несколько капель остались на нижней губе. Я стёр их большим пальцем. Она не отвернулась, но в глазах блеснули слёзы.

— Ненавижу тебя, — прошептала она.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты думаешь, ненависть — это когда хочется смерти. А я каждый раз хочу твоей жизни. Хочу, чтобы ты жил и видел, что сделал со мной. Чтобы смотрел на сына и понимал: он будет любить тебя только до тех пор, пока не узнает, кто ты.

— Тогда я не позволю ему узнать твою версию.

— У правды нет версий.

— У наших семей их всегда две. И обе залиты кровью.

Маэна наложила ладони на её живот. Серебряное сияние моей крови вошло под кожу тонкими нитями. Лиа́т вскрикнула, схватила меня за ворот и потянула к себе. Я наклонился, позволил уткнуться лицом в мою шею. Её дыхание обжигало. Пальцы впились в плечи, ногти нашли щели между пластинами доспеха.

— Больно, — выдохнула она.

— Я здесь.

— От этого больнее.

Я закрыл глаза.

— Знаю.

Она плакала беззвучно. Слёзы стекали за ворот, смешивались с потом и кровью. Я гладил её по волосам тем самым движением, которым когда-то Шели проводила по моей голове перед выходом на испытания. Прикосновение на удачу. Я ненавидел, что помню. Ненавидел собственную руку за то, что она повторяет ласку женщины, не пришедшей за мной.

— Не трогай меня так, — прошептала Лиат.

— Как?

— Будто любишь.

Я сжал её затылок.

— А как мне тебя трогать?

— Как пленницу. Это честнее.

— Я никогда не был честным рядом с тобой.

— Нет. Когда-то был. Поэтому я и поверила.

Маэна убрала руки. Сияние погасло. Несколько мгновений никто не говорил.

— Кровотечение остановилось, — наконец произнесла лекарка. — Но она останется здесь. Никаких цепей, переходов, угроз и твоих представлений перед войском. Иначе в следующий раз я не удержу ребёнка.

Я посмотрел на живот Лиат. Мне хотелось прикоснуться, но впервые собственная рука казалась слишком грубой для того, к чему тянулась. Эти пальцы ломали шеи, вспарывали грудные клетки, держали плеть и цепь. Что они могли дать ребёнку, кроме боли, которой были обучены?

Лиат заметила движение.

— Даже не думай.

— Я хочу почувствовать его.

— Он не игрушка, которую тебе принесли после победы.

— Он мой сын.

— Пять минут назад ты спрашивал, от кого он.

Я стиснул зубы. Она не повышала голос, не пыталась ранить нарочно. Просто возвращала мне мои слова, и они оказались острее любого клинка.

— Пять минут назад я был слепым.

— Нет. Ты был собой.

— А сейчас кто?

— Мужчина, который испугался крови и решил назвать страх любовью.

Я всё-таки протянул руку. Лиат перехватила запястье. Слабая после приступа, она всё равно вцепилась так, будто удерживала ворота осаждённого города.

— Попроси, — сказала она.

Я не сразу понял.

— Что?

— Ты привык брать. Попробуй попросить.

Маэна отвернулась к чашам, но слишком демонстративно. Она слушала. Конечно, слушала, как великий Повелитель будет унижаться перед собственной пленницей.

— Позволь мне коснуться сына.

Лиат закрыла глаза. По виску скатилась слеза.

— Не сына. Ребёнка. Пока он не родился и не посмотрел тебе в лицо, не присваивай даже его любовь.

— Позволь мне коснуться нашего ребёнка.

Её пальцы разжались.

Я положил ладонь на живот. Осторожно, почти не касаясь ткани. Под кожей не было движения, только тепло и едва различимый ритм, который я скорее почувствовал кровью, чем рукой. Крохотная искра демонической жизни ответила на моё присутствие. Или мне захотелось в это поверить.

Колени дрогнули.

Я опустил рядом со столом, не отрывая ладони. Перед Лиат. Перед нерождённым ребёнком. На колени меня ставили кнутом, голодом, переломанными костями, но впервые я сделал это сам и не ощутил унижения.

— Он чувствует тебя, — тихо сказала Маэна.

— Нет, — выдохнула Лиат. — Он чувствует опасность.

Я наклонился и прижался лбом к её животу.

— Тогда пусть запоминает, — прошептал я. — Никто не причинит тебе вреда.

Лиат издала странный, сломанный смешок.

— Кроме твоего отца.

Я поднял голову.

— Больше никогда.

— Ты уже причинил. И мне, и ему. Клятвы не стирают память тела, Арис. Оно запомнит голод, страх и цепь раньше твоего голоса.

— Я заставлю его забыть.

— Именно. Заставишь. Другого слова ты не знаешь.

Я убрал ладонь, словно она обожгла. На ткани остался кровавый след от моей раны — отпечаток пальцев поверх того места, где билось сердце сына. Метка отца. Или хозяина. Я уже не понимал разницы, и это пугало больше её ненависти.

— Как ты назовёшь его? — спросил я.

— Никак при тебе.

— Почему?

— Потому что имя даёт власть. А у тебя её и без того слишком много.

— Тогда я дам ему своё.

— Нет. — В её голос вернулась сталь. — Он не будет носить имя человека, который водил его мать на поводке.

— Я расплавлю ошейник.

— А память тоже бросишь в огонь?

Ответа у меня не было.

— Я останусь с ней.

— Нет, — одновременно сказали обе.

Я посмотрел на Маэну.

— Ты забываешься.

— А ты мешаешь. От тебя у неё сердце бьётся так, словно она снова на пыточном столе.

— Оно всегда так бьётся рядом со мной.

— Раньше ты, кажется, этим гордился. Теперь можешь убить собственного сына.

Лиат вздрогнула. Я отступил от стола. Каждый шаг назад давался так, будто из тела вытягивали крюк вместе с внутренностями.

У двери я остановился.

— Маэна.

— Что?

— Если с ними что-то случится...

— Ты убьёшь меня? — она устало усмехнулась. — Очень поможет.

— Я убью всех.

Лиат повернула голову. На бледном лице карие глаза казались почти чёрными.

— Вот поэтому ты никогда не станешь отцом, Арис. Только хозяином существа, которое боится тебя потерять.

— А твой отец был другим?

— Да. Он всегда выбирал меня.

— Даже когда отдал Ванитасу?

Она побледнела. Я ударил в ответ и сразу почувствовал мерзость собственной победы.
— Уходи, — попросила Лиаг.

Я вышел.

На полу возле двери лежал её ошейник. Поднял его, сжал в кулаке. Железные края впились в свежую рану, кровь закапала на камень.

Перед глазами снова возник Аш, отнимающий меня у Шели. Потом — я сам на площади, тянущий цепь на шее его беременной дочери.

Мы отличались только тем, чью боль называли справедливостью.

Я дошёл до двора и швырнул ошейник в жаровню. Металл раскалился, покраснел, начал плавиться. Воины смотрели молча.

— С этого дня Лиаг Одиар находится под моей защитой, — сказал я. — Любой, кто коснётся её без разрешения, лишится рук. Любой, кто оскорбит, — языка. Любой, кто назовёт её рабыней, ответит передо мной.

— А кем её называть? — спросил Рамгар за спиной.

Я смотрел, как огонь пожирает ошейник.

— Матерью моего наследника.

— Ты уверен, что ребёнок твой?

Вопрос был тихим, разумным и поэтому особенно страшным.

Я повернулся к нему.

— Она сказала, что наш.

Рамгар долго смотрел на меня, словно выбирал между верностью и жалостью.

— Тогда молись, Арис, чтобы, когда он родится, тебе хватило любви поверить ей ещё раз.

В жаровне лопнуло звено.

Я усмехнулся, потому что ещё не знал: иногда у ребёнка можно украсть лицо задолго до рождения, а у отца — сердце в ту самую секунду, когда он впервые решился его отдать.

Глава 7

Я проснулась без ошейника и первым делом решила, что ребёнок умер.

Страх вошёл в меня мгновенно, без стука и предупреждения, разорвал сон, заставил обеими руками вцепиться в живот. Под ладонями была только тишина. Ни движения, ни ответа, ни той крохотной искры, которую я ещё не могла чувствовать телом, но уже ощущала каждой мыслью. Внутри меня всё оборвалось, полетело вниз, к самому дну, где не существовало ни света, ни воздуха.

— Нет... малыш, нет...

Я попыталась встать. Боль прошила низ живота, перед глазами почернело. Ноги соскользнули с постели, и я рухнула бы на пол, если бы чьи-то руки не подхватили меня.

— Ты решила закончить то, что я едва успела исправить?

Маэна уложила меня обратно. Я схватила её за запястье.

— Он жив?

— Жив.

— Я не чувствую.

— Потому что рано. Ему не полгода, чтобы бить тебя пятками по рёбрам. Лежи.

Воздух вернулся в лёгкие обжигающей волной. Я закрыла лицо руками, но слёзы всё равно просочились между пальцами. Они были горячими, унижительными. Я плакала от облегчения так, будто уже держала сына на руках и только что отняла его у смерти.

Маэна молча поправила одеяло. Старая демоница умела быть милосердной единственным известным ей способом — делая вид, что не замечает чужой слабости.

— Где Арис?

Вопрос вырвался сам. Я возненавидела себя ещё до того, как он прозвучал полностью.

Маэна приподняла бровь.

— Хочешь, чтобы я его позвала?

— Хочу знать, откуда ждать следующего удара.

— От двери. Он простоял за ней всю ночь.

Я повернула голову.

Толстая деревянная створка была закрыта. За ней не слышалось ни шагов, ни дыхания, но кожа на затылке мгновенно покрылась мурашками. Арис был там. Я почувствовала его так же, как чувствовала приближение грозы: воздух становился тяжелее, кровь — горячее, тело — предательски живым.

— Почему не вошёл?

— Я запретила.

— И он послушался?

— После того как я пригрозила, что иначе привяжу его пуповиной к воротам.

Я невольно усмехнулась. Смех тут же отозвался болью, но эта боль была почти человеческой, терпимой.

— Значит, великий Повелитель всё-таки боится старух.

— Великий Повелитель боится только двух женщин. Одна лежит передо мной. Вторую он ненавидит за то, что продолжает любить.

Улыбка исчезла.

— Шели.

Маэна посмотрела внимательнее.

— Он рассказывал?

— Арис ничего не рассказывает. Он превращает воспоминания в оружие и бросает их в окружающих. Иногда осколки складываются в правду.

— Правда в том, что некоторые дети взрослеют, но так и остаются ждать у двери.
За дверью что-то скрипнуло.

Он слышал.

Маэна усмехнулась уголком рта, поднялась и убрала чаши со стола.

— Я принесу отвар. Не убивайте друг друга хотя бы до моего возвращения. Мне уже надоело стирать вашу кровь с пола.

Она открыла дверь.

Арис стоял, прислонившись плечом к стене. Без доспеха, в чёрной рубашке с закатанными рукавами. На предплечье белела свежая повязка, под ней проступила кровь. Длинные волосы рассыпались по плечам, на красивом лице застыла бессонная жестокость. Он выглядел так, будто всю ночь не охранял мою дверь, а допрашивал самого себя и остался недоволен ответами.

— Она проснулась, — сказала Маэна.

— Я слышал.

— Тогда знаешь: волноваться ей нельзя.

— От одного моего лица никто ещё не умирал.

— Ты удивительно плохо знаком со своим лицом.

Маэна ушла. Арис вошёл и прикрыл дверь. Не запер. Я заметила и разозлилась на себя за то, что заметила.

В руках он держал поднос. Мясной бульон, хлеб, ягоды, вода. Никакой демонстративной роскоши, никакой еды с ладони. Поставил рядом с постелью и отступил.

— Ешь.

— Просить ты научился только один раз?

Скулы напряглись.

— Пожалуйста, Лиаг, поешь.

От этих слов стало больше, чем от приказа. Потому что они принадлежали тому Арису, которого я любила. Не Повелителю, не хозяину, не мстителю — мужчине, способному произвести моё имя так, будто это молитва, в которую он сам не верит.

— Не надо, — прошептала я.

— Что?

— Не становись прежним на несколько минут. Я потом не могу пережить, когда ты снова исчезаешь.

Он опустил взгляд. Между нами лежали осколки всего, что мы сделали друг с другом, и ни один не знал, как пройти, не разрезав ноги до кости.

— Прежнего меня никогда не было.

— Был. Возле моря. Когда ты боялся звёзд и всё равно смотрел на них ради меня.

— Тот раб умер.

— Нет. Ты удержишь его в подвале и пытаешь каждый день, чтобы никто не услышал, как он зовёт мать.

Арис оказался возле кровати так быстро, что я не успела отшатнуться. Ладонь легла рядом с моим бедром, матрас прогнулся под весом его тела.

— Не произноси её имя.

— Шели.

— Лиаг.

— Шели. Твоя мать.

Серебро затопило глаза. Пальцы впились в простыню, ткань затрещала.

— Моя мать оставила меня.

— Она не знала, где ты.

— Она должна была перевернуть мир.

— Возможно, переворачивала не ту сторону.

— Не защищай её.

— Я защищаю тебя от того дня, когда ненависть закончится и ты поймёшь, сколько времени потерял.

— Она выбрала Аша.

— А ты уверен, что дал ей возможность выбрать тебя?

Он отпрянул, словно я ударила. Несколько мгновений молчал, затем рассмеялся — тихо и страшно.

— Ты лежишь в моей крепости, носишь моего сына и убеждаешь меня простить женщину, которая спит с твоим отцом. В тебе точно нет инстинкта самосохранения.

— Есть. Поэтому хочу, чтобы хоть один из вас перестал повторять одну и ту же бойню.

— Поздно.

— Пока мы живы, не поздно.

— Твой отец идёт сюда с армией.

У меня пересохло во рту.

— Откуда ты знаешь?

Арис достал из-за пояса сложенный лист. Белая бумага была испачкана в крови, печать сломана. Протянул мне.

Почерк Шели я узнала сразу. Видела его на детских записках, которые она оставляла мне возле чашки с молоком, когда я была маленькой. Острые буквы, чуть наклонённые вправо, будто слова всё время куда-то спешили.

«Арис. Я не прошу тебя простить меня. Я прошу не наказывать Лиат и ребёнка за то, что сделали мы с Ашем. Отдай её мне. Если тебе нужна жизнь за жизнь, возьми мою. Я приду одна».

Строк было мало. Боли — столько, что бумага дрожала в руках.

— Когда пришло?

— Ночью.

— Что ты ответил?

— Ничего.

— Она предлагает себя.

— Наконец-то.

Я посмотрела на него. Красивое лицо осталось спокойным, только рука с повязкой сжалась. Кровь проступила ярче.

— Ты хочешь, чтобы она пришла.

— Хочу посмотреть, сможет ли.

— И что сделаешь?

— Пока не решил.

— Лжёшь. Ты решил это ещё мальчиком на помосте. Хочешь поставить её на колени, надеть цепь, заставить просить.

— Она не просила, когда меня забирали.

— Ты помнишь?

— Я помню всё.

Он произнёс это спокойно, но серебряные глаза перестали видеть комнату. Я поняла: перед ним снова не я. Маленький Арис смотрел из-за плеча торговца на женщину, которую считал матерью, и ждал, что она бросится следом, перегрызёт охрану глотки, сожжёт город. Дети не понимают бессилия взрослых. Для них любовь либо спасает, либо её не было.

— Расскажи мне, — попросила я.

— Чтобы потом пожалеть?

— Чтобы хотя бы один человек услышал не ту версию, которой ты оправдываешь убийства.

Он долго молчал. Потом сел в кресло возле окна. Слишком прямо, словно даже воспоминания могли ударить в спину.

— Аш пришёл ночью. Я проснулся от её крика. Шели держала меня так сильно, что ногти пробили кожу на спине. Я думал, она не отдаст. Знаешь, дети верят рукам больше слов. Потом он сломал ей пальцы. Один за другим. Она всё равно держала. Тогда Аш сказал, что убьёт её, если она не отпустит. — Арис усмехнулся, но звук оказался мёртвым. — И она разжала руки.

Меня затрясло. Я видела отца другим — яростным, властным, способным уничтожить мир ради семьи. Но именно семья всегда делала его самым жестоким. Чтобы вернуть Шели, он когда-то отнял у неё ребёнка. Чтобы наказать Ариса, теперь мог сжечь город, полный чужих детей.

— Она спасла тебе жизнь.

— Она выбрала свою.

— Ей сломали пальцы, Арис.

— Мне потом ломали всё.

Вот она — арифметика боли. Он сравнивал раны, будто больший перелом отменял чужой. Я медленно потянулась и коснулась его перевязанной руки.

— Ты хотел, чтобы она умерла за тебя?

— Я хотел, чтобы попыталась.

— Она пыталась.

— Недостаточно.

— Для брошенного ребёнка никогда не будет достаточно. Даже если Шели ляжет под твой меч, ты спросишь, почему она сделала это только сейчас.

Арис резко перевернул мою ладонь. Пальцы сомкнулись на запястье, но не сдавили.

— Не лезь туда, Кареглазая.

— Куда? В рану? Ты сам живёшь внутри неё и тащишь туда всех нас.

— Я могу сделать больно.

— Уже сделал.

Его взгляд опустился к моей шее. Там, где прежде был ошейник, кожа всё ещё саднила. Арис провёл большим пальцем рядом с раной, не касаясь, словно расстояние в толщину волоса могло отменить то, что он сделал.

— Я не должен был надевать его.

Сердце болезненно ударилось о рёбра.

— Что ты сказал?

— Ты слышала.

— Нет. Повтори. Я хочу запомнить единственный случай, когда великий Арис признал ошибку.

— Я не признавал ошибку. — Его губы искривились. — Я признал, что выбрал плохой инструмент. Ошейник оставляет следы на том, что принадлежит мне.

Надежда, успевшая сделать вдох, захлебнулась.

Я выдернула руку.

— Вот теперь узнаю тебя.

Но он не усмехнулся. Продолжал смотреть на мою шею, и в глазах было столько отвращения к себе, что ложь не спасла ни его, ни меня.

— А потом позову Аша и покажу, каково смотреть, когда у тебя отнимают жену.

Голос не дрогнул. Именно поэтому меня затрясло.

— Ты используешь меня и сына как приманку для отца, а мать — как нож. В твоих руках любовь превращается только в орудие пытки.

— Я хорошо учился у вашей семьи.

— Тогда превзойди учителя не жестокостью.

Арис взял письмо. На миг задержал пальцы на подписи Шели, потом поднёс бумагу к пламени светильника.

— Нет!

Я рванулась, но боль остановила. Край письма почернел. Огонь побежал по строкам, пожирая предложение за предложением. Шели просила прощения без слова «прости», а он смотрел, как её голос превращается в пепел.

— Ты чудовище.

— Она это знает.

— Она любит тебя.

— Любовь, которая не нашла ребёнка, называется виной.

— А любовь, которая ведёт беременную женщину на цепи?

Он бросил горящий лист в чашу. Пламя осветило лицо снизу, сделало прекрасные черты демоническими.

— Одержимостью.

— Наконец-то честный ответ.

Арис подошёл к постели. Я напряглась, но он лишь взял миску с бульоном, опустил на край и зачерпнул ложкой.

— Ешь.

— Нет.

— Мы уже выяснили, что моё «пожалуйста» причиняет тебе боль. Вернёмся к приказам.

— Я могу сама.

Он протянул миску. Пальцы дрожали едва заметно. Не от слабости — от письма, которое он только что сжёг вместе с возможностью ответить матери.

Я взяла ложку, но рука не слушалась после пыток. Металл ударился о край, бульон пролился на простыню. Арис молча забрал ложку.

— Не смей.

— Что именно? Видеть, что Альгос сделал с твоими пальцами?

— Жалеть.

— Я не жалею. Я выбираю, в какой последовательности вырывать ему кости.

— Он уже мёртв?

— Нет.

— Почему?

— Потому что быстрая смерть — подарок.

По позвоночнику прошёл холод. Я знала, что должна испытать удовлетворение. Альгос ломал меня месяцами. Но в глазах Ариса я увидела не месть за меня — голод собственного прошлого. Он будет пытать палача, пока тот не превратится в каждого хозяина, державшего его цепь. А потом всё равно не насытится.

Арис поднёс ложку к моим губам.

— Открой рот.

В памяти вспыхнула площадь, мясо на его пальцах, кровь от укуса. Я отвернулась.

— Не так.

Он замер. Затем положил ложку обратно в миску и поставил поднос мне на колени.

— Хорошо. Когда сможешь.

Это маленькое отступление разбило меня сильнее насилия. Я смотрела на него и не понимала, кого ненавидеть — чудовище, которое сломало меня, или мужчину, который учился не ломать дальше.

— Арис.

Он обернулся у двери.

— Не трогай Шели.

— Ты просишь за неё?

— Я прошу за тебя.

— Тогда зря.

Он вышел.

Я заставила себя поесть. Каждая ложка пахла его кровью, хотя в бульоне её не было. Потом задремала, прижав ладонь к животу, и проснулась от ощущения чужого присутствия.

Арис сидел на полу возле кровати.

В комнате стемнело. Он прислонился спиной к стене, голову откинул, глаза закрыл. Рядом лежал меч. В руке — узкая серебряная лента, скрученная в кольцо.

— Что это?

Он открыл глаза.

— Ничего.

— Ты плохо лжёшь во сне.

Я протянула руку. Арис не отдал ленту, но разжал пальцы, позволяя рассмотреть. На серебре были выгравированы маленькие языки пламени и две переплетённые буквы. Наши.

— Для ребёнка? — спросила я.

— Оберег.

— Ты заказал его за несколько часов?

— Я сделал сам.

На его пальцах виднелись свежие ожоги. Повелитель, способный приказывать лучшим мастерам, плавил серебро собственными руками для сына, которого ещё вчера собирался использовать щитом.

Грудь сдавило так, что стало нечем дышать.

— Отдай.

Он положил ленту мне на ладонь. Металл хранил тепло.

— В старых рабских племенах такой оберег давали ребёнку, чтобы он всегда находил дорогу к семье, — сказал Арис. — Даже если его украдут или продадут.

Последнее слово надломилось.

Я сжала ленту.

— Нашего сына никто не продаст.

— Нет.

— Поклянись.

Арис наклонился к животу и накрыл мою руку своей.

— Клянусь своей кровью: никто не отнимет его у нас. Никто не выставит на продажу. Никто не заставит почувствовать себя ненужным.

В его голосе звучала такая яростная вера, что мне захотелось поверить вместе с ним. На одно мгновение я позволила себе представить невозможное: ребёнок между нами станет не оружием, а мостом. Арис возьмёт сына на руки и узнает себя не по цвету волос, а по упрямому повороту головы. Шели коснётся его щеки. Аш перестанет видеть в Арисе только угрозу. Мы не простим, но хотя бы прекратим резать друг друга любовью.

Я коснулась волос Ариса. Он замер, потом медленно поднял лицо. Серые глаза потемнели. Между нами натянулось то самое мучительное желание, которое не умело умирать даже под слоями ненависти.

— Не смотри так, — прошептала я.

— Как?

— Будто можешь вернуть нас.

— Я могу.

— Нет. Ты можешь только захватить территорию, на которой мы когда-то жили.

Он приблизился. Его дыхание коснулось губ. Моё тело отозвалось болезненным жаром, и от этого предательства на глаза навернулись слёзы.

— Скажи, чтобы я остановился.

— Ты когда-нибудь слушал?

— Сегодня буду.

Его рот находился в одном вдохе от моего. Я чувствовала тепло, терпкий запах кожи, видела тонкий шрам над губой. Хотела поцеловать. Хотела вонзить зубы. Хотела вернуть мужчину, которого никогда не существовало отдельно от чудовища.

— Остановись, — сказала я.

Арис закрыл глаза и отстранился.

Сразу.

Меня пронзила такая боль, будто я сама оттолкнула последнюю живую часть себя.

В этот момент над крепостью заревели боевые рога.

Один. Второй. Третий.

Арис вскочил, меч оказался в руке. За стенами загрохотало, по коридору понеслись шаги, кто-то закричал: «Западные ворота!»

Он распахнул окно. Ночное небо над городом горело белым пламенем, а далеко за стеной поднимались сотни знамён с чёрным драконом.

Армия Аша.

Отец не дал ему трёх дней.

Отец пришёл за мной сейчас.

Я поднялась, забыв о запрете лекаря.

— Отпусти меня к нему.

Арис повернулся. В серебряных глазах уже не было мужчины, остановившегося по моей просьбе. Только Повелитель, увидевший врага.

— Нет.

— Ты поклялся, что сына никто не отнимет.

— Именно поэтому ты останешься здесь.

Дверь распахнулась. Рамгар стоял на пороге, тяжело дыша.

— Арис, у внешней стены одна женщина. Без оружия. Требуется впустить её до начала штурма.

Я уже знала.

Арис тоже.

Его лицо превратилось в камень.

— Кто?

Рамгар посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Твоя мать.

Глава 8

Моя мать стояла под стенами крепости, и я приказал открыть ворота.

Слова прозвучали спокойно. Ни один воин не услышал, как внутри меня с рёвом рухнула клетка, в которой я десятилетиями держал мальчишку с аукционного помоста. Он вырвался, вцепился в рёбра изнутри и начал раскачивать их, требуя одного: бежать к ней.

Я не побежал.

Повелители не бегут к женщинам, которые однажды отпустили их руки.

— Только внутренние ворота, — добавил я. — Внешние закрыть сразу за ней. Лучников не отводить. Если люди Аша двинутся, убейте женщину первой.

Рамгар посмотрел на меня с таким отвращением, будто впервые увидел не друга, а хозяина, у которого мы когда-то вырывали свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.